

A man with a beard and short dark hair is holding a baby with blue eyes. The man is looking down at the baby. A woman with long, wavy brown hair and green eyes is looking directly at the camera. She is wearing a light blue, textured, sleeveless top. The background is a bright, clean room with white shelves holding small toys and a white crib with a star pattern on the curtains.

Няня **ПОНЕВОЛЕ**

ВИКТОРИЯ ВОЛКОВА

Виктория Борисовна Волкова

Няня поневоле

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67614461
Няня поневоле: 2020*

Аннотация

– На няньку час назад наехала машина. Тебе придется ее заменить... – говорю тихо и вкрадчиво. Даже короткая тирада сбивает девчонку с толку.

– Любое агентство пришлет вам замену, – робко вставляет она.

– Не сомневаюсь, – ухмыляюсь криво. – Но, это займет время. А его у меня нет. Придется отдуваться тебе. Тем более родня, – фыркаю я с издевкой. – Свояченица что ли...

– Где моя сестра? – окидывает меня недоверчивым взглядом девица.

– Уехала, – бросаю небрежно. – Мы расстались. Она отказалась от ребенка.

Содержание

Пролог	4
Пролог 2	15
Глава 1	25
Глава 2	39
Глава 3	54
Глава 4	67
Глава 5	82
Глава 6	96
Глава 7	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Виктория Волкова

Няня поневоле

Пролог

Назарет

– Ты попала, девочка, – бросаю короткий взгляд на сидящую напротив девицу. Говорю тихо и вкрадчиво. Худенькая настороженная пигалица смотрит на меня огромными глазами. Вижу, как ее колотит дрожь. Вон в сумку вцепилась. Наверное, думает, что я сейчас вырву баул из ее рук и убегу. Те времена прошли, детка. И шпанистый мальчик Сережа Назаров уже давным-давно заделался уважаемым бизнесменом. А от веселого прошлого только погоняло осталось.

Назарет.

Девчонка сидит напротив меня на краешке кожаного белого кресла и пытается собраться с духом. Моя задача – припугнуть хорошенько и добиться своего. Если честно, то я и на взрослых мужиков действую устрашающе. Точно знаю, где надавить, а где попустить немного, чтобы потом довести жертву до кондиции. Обычно я имею дело с деловыми ребятами, дерущимися за свой бизнес до последнего. А тут на-

ивная кукла... Детка. Смотрит непонимающим взглядом и что-то лепечет в свое оправдание.

«Ты еще поплачь, – усмехаюсь цинично. Любой в городе знает – бабьи слезы на меня не действуют.

Откидываю затылок на подголовник и лениво рассматриваю девицу.

Ничего так. Красивая. Лет двадцати пяти. Волосы ниже плеч. Хорошая фигура. Грудь трепыхается под тонким трикотажем. Зеленые глазищи смотрят на меня внимательно. Молчит. Изучает меня, стервочка. Наверняка, не дура и не истеричка. Ловлю себя на мысли, что не прочь разложить ее тут на столе и хорошенько...х-м-м... поучить жизни.

Но нельзя, блин! Пока нельзя. Моему новорожденному сыну срочно нужна нянька. А забраться к девице под юбку я еще успею. Оглядываю аккуратненькую головку. Длинные каштановые волосы собраны в тугий хвост. Ни один волосок не выбился. Хочется подойти сзади, расстегнуть заклочку и, намотав волосы на кулак, пригнуть красотку к столу. Отогнав прочь дурацкие мысли, одергиваю себя.

«О деле думай, баклан!»

– Ты налажала, детка. Прикидываешься специалистом. А на самом деле – пустое место. Если можешь ухаживать за младенцами, отработаешь в детской. Иначе я тебе не завидую, – рыкаю глухо. Что делать? Приходится немного перегнуть палку. Мне сейчас миндальничать некогда. Даже короткая тирада сбивает девчонку с толку. Она опять хватает-

ся за свою кошелку. Аж костяшки белеют от напряжения.

«Боишься, куколка? Ну и правильно», – криво усмехаюсь я и смотрю на девуцу холодно и отстраненно.

– Вы ошибаетесь. Я ни в чем не виновата, – лопочет она. – Я не акушерка, а доула. Оказываю психологическую помощь при родах. Принести водички, сделать массаж. Обговорить предстоящие манипуляции с врачами. Объяснить ситуацию роженице. Конечно, я училась родовспоможению и за новорожденными умею ухаживать. Но акушерка у нас Людмила Вячеславовна. Она – очень опытный специалист. Все прошло удачно. Мать и ребенок чувствуют себя хорошо... Жанна мне звонила, благодарила за помощь. И от других клиентов только положительные отзывы. Если у вас есть какие-то претензии к моей работе, озвучьте их, пожалуйста. Я считаю, что никаких накладок или эксцессов не было. С малышом и его мамой полный порядок...

– Тебе так кажется, – холодно обрываю я. – За моим сыном нужен уход. Няньку час назад сбила машина. Поэтому тебе придется ее заменить...

– Любое агентство пришлет вам замену, – робко вставляет она.

– Не сомневаюсь, – самодовольно ухмыляюсь я. – Но, во-первых, не хочу пускать в дом посторонних. И так тут с этими родами стадо мамонтов через весь дом пронеслось. А ты вообще проникла по подложным документам. Облапошила охрану. Во-вторых, новый человек должен пройти тщатель-

ную проверку и сдать анализы. Это займет время. Много времени. А вот его сейчас нет. Придется отдуваться тебе. А тем более родня, – фыркаю я с издевкой. – Свояченица хренова.

– А Жанна? – окидывает меня горящим взглядом девица. Бросается в бой, как будто от ее сестры что-то зависит. – Где она? Первое время и она может ухаживать за Марком. А я буду подменять... иногда. Ну пока нянька к вам не оформится...

– Жанна уехала, – ощерившись, бросаю я и добавляю небрежно. – Мы расстались. Она отказалась от ребенка...

– Как расстались? Она не могла... Я ничего не понимаю... – лопочет девчонка. Она напоминает мне взъерошенного воробья. Маленького и сердитого.

– Тебе и нечего понимать, – фыркаю я, беря с письменного стола тяжелое нефритовое яблоко. Кручу его в руках от нечего делать. И неожиданно понимаю, что девчонка вжимает плечи. Наверное, испугалась, что я запущу булыжник с золотым хвостиком ей в голову. Зря, конечно, так плохо обо мне думает. Я женщин не быю. Джентльмен, твою мать... Но кто сказал, что не взыщу за долги только по гендерному признаку? Вытрясу все до копейки!

– Ты, красавица, хитростью проникла в мой дом. Это факт. Моя служба безопасности собрала материал. Ты никакой не психолог. Училась когда-то на акушерку, но почти нигде не работала. Где ошивалась пять лет? На что жила? Кто тебя подослал? Дункан или Витя-Таврида?

– Я не знаю таких людей, – шепчет девчонка. – У меня среднее медицинское образование и высшее психологическое. Я работаю с Людмилой Вячеславовной. У меня есть рекомендации.

«Естественно, не знаешь, – хмыкаю я. – Мои враги тебя бы в порошок стерли. По кругу бы пустили... Это я такой добрый и в совершенно безвыходной ситуации».

От бессилия мне хочется зарядить в окно чем-нибудь тяжелым. Да хоть дурацким каменным фруктом. Тоже нельзя. Панорамные окна заказывались в Бельгии, стекло тоже оттуда. Если разбить, то новые в целое состояние выйдут.

Откладываю яблочко в сторону и сурово гляжу на девчонку.

– Мои безопасники тебя проверили. Зачем наврала про доулу? Сказала бы сразу правду. Сестра моей милой, – морщусь я.

– Я не врала, – стонет она. – Я действительно доула. Помогаю женщинам легче перенести стресс. С помощью медитаций и психологической поддержки...

– Перестань мне лить дерьмо в уши, – рыкаю я угрожающе. – Твою зачуханную бурсу мои пацаны раскопали, а вот университет ответил отказом. Никакая Линара Ковалева у них не училась.

– Я могу объяснить, – лопочет она. – Диплом у меня есть...

– Давай данные, пацаны пробьют, – лениво говорю я, точ-

но зная, что ни о каком дипломе не может быть и речи. – Только не вздумай врать. И почему сразу не сказала, что вы с Жанной родственницы? Испугалась, что выпру взащей?

– Она говорила, вы против нашей семьи. Но очень хотела, чтобы я помогала ей при родах. А это моя работа.

– И вы решили, что можете меня обвести, как последнего лоха? – усмехаюсь криво. – Жанке повезло. Она удрала. Тебе – нет.

– Но я не виновата, – скулит она. – Вы же сами там присутствовали. Я не сделала ничего плохого. Отпустите меня, пожалуйста!

– Мне положить с прибором, малыш, на твои глупые доводы, – обрываю резко. – Сейчас главное – Марк. Этому сопляку всего неделя, а он тут быкует. Уже всех на уши поставил. Биг босс, сразу видно! Он сейчас дрыхнет, маленький засранец. Проснется, захочет есть. Ты должна быть рядом. Ну и там подгузник поменять, соску дать. С ним пока моя экономка. А она ничего не смыслит в этом дерьме. Нужен человек, умеющий обращаться с новорожденными. Ты единственная, кто прошел проверку службы безопасности и имеет санитарную книжку. Поэтому выбора нет. Ни у меня, ни у тебя. Усекла?

– Вы не понимаете, – пытается образумить меня девчонка. – У меня есть работа. Договоренности. Беременные девочки ждут. Я же обещала...

– Да мне плевать, кому ты там чего наврала с три короба...

Хочешь, чтобы Марк остался один? Я с ним точно справиться не смогу.

– Зачем вы так? – огромные зеленые глаза наполняются слезами. – Я могу помогать в свободное время. Но заменить няню у меня не получится. Даже не просите...

«Нет, девчонка точно не понимает, куда попала и с кем разговаривает, – втихоря усмехаюсь я. А вслух как можно более равнодушно заявляю.

– Я никого не прошу, детка. Только приказываю.

– Но... – пытается возразить она. – А если я не соглашусь выполнять команды?

«Интересно пляшут девки, – фыркаю я. – Весь город под контролем... А тут какая-то пигалица мне условия ставит. Мне! Условия! Вот дожился!»

– Попробуй, – усмехаюсь криво. – Но лично я тебе не советую рыпаться...

На столе жужжит сотовый. Он у меня всегда на виброрежиме. Ненавижу эти механические трели...

– Сергей Юрьевич, – вздыхает в трубку моя экономка Элла. – Маркушенька проснулся. Я его попытаюсь покормить, а он соску выплевывает.

– Мы сейчас придем, – говорю спокойно и, глянув внимательно на застывшую в кресле доулу, бросаю нетерпеливо. – Вперед, красавица. Марк Сергеевич проснулись и требуют няню.

– Но, – задыхается от возмущения девчонка. – Мы так не

договаривались...

– Мы с тобой вообще ни о чем не договаривались. Ты проникла в мой дом как воровка. Вот и поплатилась.

Я внимательно смотрю на визитку, лежащую на столе.

– Линара Ковалева. Специалист по родовспоможению и психологической поддержке. Если ты не хочешь мне помочь, то придется обратиться в полицию. Незаконное проникновение в мой дом плюс шарлатанство. Выдаешь себя за специалиста, а, по сути, не имеешь права заниматься медицинской деятельностью. Тебя на пушечный выстрел нельзя подпускать к родам.

– Что? Кто? – дергается девчонка.

– Вызвать полицию? Они тебе объяснят популярно, – цежу сквозь зубы. И поднявшись из-за стола, строго смотрю на Жанкину родственницу. – Ты идешь, или нужно особое приглашение? Может позвать охрану? Парни помогут дойти. Придадут ускорение... Или решила дожидаться ментов?

– Нет-нет, – пугается детка и, подскочив с места, семенит следом. Я слышу, как за моей спиной цокают каблучки, и каждый звук отбивается рефреном у меня в башке.

«Не связывайся, Назарет, хуже будет, – словно наяву слышу я предостережение лучшего друга – внутреннего голоса. Друзей у меня нет, и не может быть. По сути, я волк-одиночка. Свирепый хищник. Но с другой стороны, мне и деваться некуда. И если со Жанкой все ясно, то с няней вышел полный облом. Выскочила на минутку к дочке. Деньги передать. А

тут какой-то гад вырубил из-за угла на ржавом корыте... Как итог, нянька в реанимации, а мой сын без присмотра. Найти и прижать к ногтю глупую доулу оказалось проще простого. Естественно, я ей заплачу за услуги. Или нет?

«Стоит ли платить тетке, ухаживающей за племянником? – криво усмехаюсь я и, слыша рев младенца, стремительно открываю двери в детскую.

Линара залетает в комнату и, отпихнув меня локтем, бросается к ребенку. Решительно забирает его из рук экономки и тихонечко причитает «Марк, Марк!».

Сын мгновенно затихает. Видимо, такое обращение нравится ему больше, чем Элкино «Маркушенька».

Экономка, заявив, что у нее дом остался без присмотра, быстро уматывает по своим делам.

– Вылейте смесь из бутылочки, сполосните и разведите заново, – велит мне маленькая нахалка. – Или подержите ребенка, я сама все сделаю.

– А если положить его в кроватку? – обалдело спрашиваю я.

– Он опять расплчется. Сергей Юрьевич, я не прошу ничего сверхъестественного...

Ну да, конечно... Я еще бутылки не мыл и молочко не смешивал.

– Тут полно бутылочек, – киваю на шкафчик. – Нянька вроде стерилизовала...

– «Вроде» и «кажется» в нашем случае неуместны, – стро-

го замечает девчонка. – Сейчас Марк особо уязвим перед инфекциями.

– Хорошо, – вздыхаю напряженно. И открыв шкафчик, достаю пластмассовый кейс с надписью «стерильно». Чего там только нет! Бутылочки, соски, еще какие-то неизвестные мне приблуды...

Смотрю растерянно.

– Так, – командует рядом девчонка. – Держите Марка. Я сама.

И не спрашивая, перекладывает мне в руки ребенка. Марк глядит на меня широко распахнутыми удивленными глазами. Наверное, и мои сейчас такие же. С минуту мы с сыном внимательно рассматриваем друг друга. И неожиданно я понимаю, что в целом мире не существует никого дороже этого маленького человечка. От нахлынувшей любви болью отдает в сердце.

– Марк, – шепчу я, прижимая кроху к груди. – Какой же ты у меня классный!

– Смесь готова, – раздается рядом голос Линары. – Давайте ребенка, я покормлю.

Еще с минуту я люблюсь малышом, опустошающим бутылочку. Бросаю внимательный взгляд на новоявленную няньку. И поражаюсь перемене. Девчонка уже не хезает от мандража, а радостно улыбается моему сыну. Похоже, я не ошибся с выбором. Марк в надежных руках.

Тихонько выхожу в коридор и, вернувшись к себе в каби-

нет, вызываю Трофима, моего главного безопасника.

– Нужно найти Жанну, братан. Пусть раз и навсегда откажется от Марка.

Пролог 2

Линара

Как только за Назаровым закрывается дверь, я одной рукой выуживаю из сумки сотовый. Звоню сестре. Эта зараза просто обязана мне помочь. Но Жанка не отвечает. Тыкаю в номер Людмилы Вячеславовны, с которой работаю последние полгода.

– Ты где, Линара? – спрашивает она строго. – Нам скоро к Тополевой ехать.

– Я у Назарета, вожусь с Марком, – вздыхаю я. – Сергей Юрьевич почему-то решил, что я смогу заменить няню. И Жанна уехала... Вроде как они разводятся с Назаровым. Марк остается с ним, – сбивчиво сообщаю я.

– Постарайся успокоиться. Малышу сейчас и так несладко. Никак не пойму, что нашло на твою сестру. Почему сбежала? Она ведь толком не пришла в себя после родов, – причитает Люся. Работать нам вместе – одно удовольствие. На ней, конечно, держится весь процесс. А я так... на подхвате. Успокоить, похвалить, показать, как правильно дышать, вместе помедитировать... Не работа, а сплошной кайф.

Ставлю телефон на виброрежим и, сняв с Марка подгуз-

ник, замечаю раздражение на попке. Нужно сказать Назарету, чтобы не жадничал, а купил ребенку другие – гипоаллергенные. Ношу малыша на руках, пытаюсь укачать, но маленькие голубые глаза, так похожие на папины, смотрят на меня внимательно. Знаю-знаю, что в первые недели после рождения ребенок не фокусирует взгляд, но мне кажется, что Марк внимательно смотрит на меня и даже улыбается.

– Ты у нас маленький гений, да? – ласково спрашиваю племянника и в который раз смотрю на телефон. Ребенок молчит, телефон тоже.

«Где ты, Жанна? Почему бросила ребенка сразу после рождения?»

Уложив Марка в кроватку, снова пытаюсь дозвониться сестре. Бесплезно. Лишь через час, когда я почти теряю терпение, раздается тихое жужжание. Мама!

– Полечка, – бормочет в трубку. – Марина звонила. Она просила предупредить. Федор знает, где ты. В каком городе... Вроде кого-то уже отрядил за тобой. Зачем ты только за него замуж вышла? Ведь так все было хорошо, дочка...

– Тебе Жанна не звонила? – перебиваю я нетерпеливо. – Не могу с ней связаться.

– Она поехала отдыхать. Какую-то горячую путевку купила, – вздыхает мама. – Ты лучше поберегись. Федор ищет тебя...

– Я не могу говорить, мама, – шепчу еле слышно. – Пусть Жанна свяжется со мной, когда устроится... Передай ей, лад-

но?

Муж ищет. Золовка предупреждает. Сестра сбежала. Детектив какой-то, а не жизнь.

— Она ближайшее время не позвонит. Сказала, устала очень на работе. Взяла отпуск и рванула куда-то в Испанию... Хочет расслабиться. Поэтому телефон отключит.

«Так-так-так, — думаю я, закончив разговор. — Что мы имеем в сухом остатке? Во-первых, нужно снова бежать. Если муж меня найдет, мало не покажется. А во-вторых, моя сестра даже словом не обмолвилась о Назарове и Марке. Ладно, не сказать о тиране-муже, из-за которого пустилась в бег. Сама такая. Не могу осуждать. Но бросить новорожденного ребенка? Утаить от матери рождение первого внука... Как такое возможно?»

Выглядываю в окно, за которым виднеются сосновый бор и речка. Любуюсь открывшимся пейзажем и даже дышать перестаю от внезапного озарения.

В настойчивом предложении Назарета заменить Марку няню есть один единственный плюс. И он перевешивает все остальное. Здесь Шмелев меня точно не найдет! Руки коротки. Пусть даже перевернет весь город, но сюда его точно никто не пустит. Назарет — а я от сестры это точно знаю — один из криминальных авторитетов города. С виду, конечно, обычный бизнесмен. Но Жанка говорила, что ее гражданскому мужу Никитск принадлежит с потрохами. Поэтому в его доме я в полной безопасности. Главное, не выходить за

ворота! И я лучше любой няньки позабочусь о собственном племяннике.

Нужно затаиться и ждать. Мужу когда-нибудь надоест искать меня. Интересно, что он наплел своим компаньонам про мое отсутствие? И почему тихо-мирно не может со мной развестись? Дело давно уже в суде. И адвокат, какая-то знакомая моей Люси, решительно отвергла все разговоры о вознаграждении.

– Заехать Шмелеву в будку, – улыбнулась величественная Анна Аркелиди, – само по себе великое дело. Спасибо, что выбрали меня.

– Там давние терки, – объяснила мне Люся. – Кажется, против Аниного отца твой муж выдвинул ложное обвинение.

– Вполне возможно, – хмуро киваю я, точно зная, что Федор Ильич ничем не побрезгует.

Полгода я наивно думала, что Шмелев решил меня не искать. Воспользовавшись чередой случайностей, я сбежала. Уехала в другой город. Благодаря сестре нашла работу и подала на развод. И как-то со временем позабыла мстительный и деспотичный характер мужа. Расслабилась, обретя свободу. Пустила корни. И совершенно легкомысленно решила, что все обошлось. А зря...

Задумавшись, я вздрагиваю, когда за моей спиной открывается дверь.

– Напугал? – криво ухмыляется Назаров. Я вглядываюсь в синие строгие глаза. И понимаю, что не могу отвести взгля-

да.

«Прекрати, – сглатываю застрявший в горле ком. – Тебе только романа с сожителем сестры не хватало. Он такой же тиран, как твой собственный. От нормальных мужиков жены не сбегает».

– Все в порядке? – настороженно спрашивает Назарет. И я замечаю в его глазах легкое, ничем не прикрытое замешательство.

– Да, – киваю, стараясь не выдать себя. – Все хорошо, Сергей Юрьевич. Я составляю список, что понадобится Марку в ближайшее время... Эти подгузники совершенно не годятся...

– Отдайте его Элле. Она включит в список покупок, – спокойно замечает он, во все глаза любуясь спящим сыном. – Самый красивый ребенок на свете.

– Жаль, если ему придется расти без матери, – брякаю, я не подумав.

– Что? – напряженно переспрашивает Назарет, и я вижу, как по его лицу пробегает легкая гримаса боли. – Ничего, воспитаю, – добавляет он, поморщившись. – Я так понял, вы остаетесь с нами, Линара? Решили все свои вопросы, или нужна помощь?

– Я предупредила Людмилу Вячеславовну, – замечаю я, стараясь уйти от ответа. – Побуду с Марком, сколько надо...

– Давайте ориентироваться на год или полтора. А там посмотрим, – задумчиво трет слегка заросший подбородок На-

заров. – Если малыш к вам привыкнет, я не стану искать замену. Зарплату назначу, как предыдущей няньке. Вас устраивает?

Назарет называет сумму.

– Да, конечно, – киваю я. Про себя замечая, что с родным племянником готова возиться и бесплатно.

– Сегодня подпишете контракт и расписку о неразглашении. И у меня к вам большая просьба, Линара. Не стоит сообщать вашей семье о рождении Марка...

– Почему? – выдыхаю я, теряя самообладание от неожиданности.

– Мы с Жанной больше не живем вместе. Ребенок остается со мной. Не собираюсь осуждать вашу сестру или давать оценки ее поведению, но она подписала отказ от Марка. Поэтому зачем вам расстраивать маму с папой?

– Она не могла, – мотаю я головой. Сжимаю кулаки, пытаясь не нахамить. – Многие семьи разводятся. Но почему должен страдать ребенок? У него есть чудесные бабушка и дедушка. Грех лишать ребенка их общества.

– Вы бы о своих грехах подумали, Линара, – ухмыляется Назарет, ощупывая меня липким взглядом. – За ваши выходы шестой круг ада вам уже обеспечен.

«Знал бы ты сколько за мной числится прегрешений, – мысленно вздыхаю я и быстро перевожу разговор в другое русло.

– А как быть с питанием? Я могу заказывать Элле какие-то

продукты для себя?

– У нас есть столовая для персонала в конце двора, – замечает серьезно Назаров. – Но учитывая, что вам придется неотлучно находиться с Марком, разрешаю пользоваться моей кухней и продуктами. Тем более что вы наверняка едите как птичка...

Насмешливый взгляд Назарета скользит по моей фигуре, раздевая и лапая одновременно.

– Давайте покажу дом, пока Марк спит. Заодно расскажу о своих требованиях...

– Хорошо, – киваю я и, схватив с тумбочки радионяню, показываю готовность следовать куда угодно.

– Сперва униформа. Скажите свой размер Элле, и она закажет вам костюм, как у врачей, и тапочки.

– Мне удобнее работать в легинсах и тунике, – парирую я. – У меня дома есть несколько. Могу привезти.

– Вы поселились в моей квартире на Веселовской? – уточняет Назарет. – Дайте ключи, и я отправлю кого-нибудь из ребят...

Я спотыкаюсь о небольшой порожек. И точно бы грохнулась на пол, но Назарет успевает подхватить меня.

– Осторожнее, тут приступка... Строители просчитались, а я вовремя не заметил.

– Их подвесили за ноги или заставили есть землю? – ляпаю я, не подумав. И ругаю себя последними словами.

«Кто тебя за язык дергал, чучундра?!»

– Что? – удивленно переспрашивает Назарет и, скупой улыбнувшись, идет вперед. – А... нет, ушли живые и здоровые. Но за недоделки я с них взыскал...

Я бессмысленно пялюсь на накачанный крепкий зад, на широкие плечи и мускулистые длинные ноги. Да и во всей фигуре Назарета сквозит что-то кошачье. Такая офигенная ленивая грация хищника.

«Перестань пялиться, – твержу себе. – Он от твоего Шмелева далеко не ушел. Такой же козел. Наверняка выгнал Жанку из дома. Сама бы она ни за что своего ребенка не бросила!»

– Не суди по себе, – вторгается в мои размышления внутренний голос. – Твоя сестра врет, как дышит. Брала с тебя половину квартирной платы и ни словом не обмолвилась, что живет в квартире Назарета. А ты, жаба лопаухая, отдавала десятку ни за что, ни про что! Одно слово – лохушка!

– Здесь у нас домашний кинотеатр и гостиная, – машет в сторону каких-то комнат Назарет. – Но, наверное, Марк не оставит вам время для просмотра фильмов...

– По этой лестнице можно спуститься в зимний сад, – после минутной паузы говорит он и протягивает мне руку. – Не оступитесь...

– А туда обязательно спускаться? – мяукаю я слабым голосом.

– Как хотите, – пожимает плечами Назаров. – Прежняя нянька там с Марком гуляла в сильный мороз. Я подумал,

что стоит и вам показать заранее...

– Не самая лучшая идея, – бурчу я, стараясь отвлечься от глупых подозрений и страхов.

– Это еще почему? – вскидывает черную бровь Назаров.

– В зимних садах обычно большая влажность, – тараторю я, вспоминая оранжерею в доме мужа. – Плюс садовники опрыскивают растения. Все эти химикаты испаряются в воздух и никуда не деваются. А маленькому ребенку вредно дышать этой дрянью.

– Разумно, – кивает Назарет. – И что вы предлагаете? – спрашивает серьезно, но руку мою из своей не выпускает.

– Лучше гулять на свежем воздухе, – замечаю я, осторожно доставая ладошку из лапищи Назарета. Он снова усмехается. Смотрит внимательно и бросает неторопливо.

– А если дождь или снег?

– Придется поставить коляску под навесом...

– Согласен, – бурчит Назарет, засовывая руки в карманы защитного цвета штанов. И становится похож на шпану. Да еще эта майка, обтягивающая торс, добавляет сходства с хулиганьем.

«Гоп-стоп, мы подошли из-за угла!»

Но тонкие пальцы, скользящие по кованым перилам, явно после свежего маникюра. И холеная самодовольная морда говорит, что я ошибаюсь.

Сергей Юрьевич Назаров – известный меценат и коммерсант. Он богат и влиятелен. И если верить моей сестре, дав-

ным-давно скупил всю недвижимость в округе.

– На первом этаже кухня, столовая, библиотека и хозяйственные помещения. А в цокольном – спортивный зал и бассейн.

– А мне Марк Сергеевич позволит им иногда пользоваться? – спрашиваю, набравшись наглости.

Назаров поднимает на меня изумленное лицо и весело хочет.

– Мы с ним обсудим.

Глава 1

Линара

Шестью месяцами ранее

– Да, спасибо! Спасибо! Какое ЭКО? Мы сами справимся! – радостно восклицает муж, разговаривая по телефону. Закончив беседу, обводит довольным взглядом столовую, где завтракает вся семья, и, откинувшись на высокую спинку стула, заявляет непререкаемым тоном.

– Анализы хорошие, Аполлинария! Молодец, поздравляю. Теперь нам нужно подумать о наследнике.

Подавив приступ ярости, киваю. Ненавижу, когда меня зовут полным именем, и всегда прошу сокращать до Полины. Но мой муж упорно называет меня Аполлинарией.

Муж.

Будто со стороны смотрю на мужчину, сидящего напротив, и цепенею от ужаса.

«Это все твое!» – насмешничает внутренний голос.

Федор Ильич Шмелев – фактический владелец ФИШТ-банка и нескольких заводов – для своих шестидесяти трех выглядит великолепно. У него хорошая фигура – сказываются занятия в спортзале. Отличная шевелюра русых волос –

не обошлось без окрашивания и разных масок в салоне. На лице никаких морщин – ботокс и другие укольчики исправно колет личный косметолог. На тонких холеных пальцах мужа переливаются перстни с сапфиром и бриллиантами. А бриллиантовая булавка в синем галстуке от Бриони и золотой Ролекс лишний раз подтверждают статус моего муженька.

Тонкий парфюм обволакивает столовую и мешает мне сосредоточиться на завтраке. Кажется, вся еда провонялась им. И собственным запахом Федора, конечно.

«Какими духами ни облейся, моложе не станешь, – думаю я, снова ругая себя за малодушие. Зачем послушала родственников и вышла замуж за старика? Кем стала в его руках? Послушной игрушкой. Посторонним людям Шмелев может показаться добродушным интеллигентом. Он цитирует наизусть Бродского и Мандельштама, может с ученым видом порассуждать про бозон Хиггса и об экономике в стране и в мире. Зато когда мы остаемся одни, весь интеллект мужа испаряется напрочь, а на смену ему приходят самые низменные инстинкты. За закрытыми дверями мой муж не воздержан в еде и в сексе. А еще дикое, почти деспотичное желание власти распространяется не только на сотрудников его многочисленных предприятий, но и на меня. Прислуга и домочадцы ловят каждое его слово и со всех ног несутся исполнять. И если на других муж может наорать или лишить премии, то меня в случае непослушания ждет другая участь. Пощечина или ремень. Все зависит от тяжести про-

ступка. Вся моя жизнь в одночасье попала под пристальный контроль Шмелева. Если я обращаюсь за медицинской помощью, то врачи докладывают ему о моем состоянии здоровья. Вот сегодня позвонила гинеколог и доложила результаты моих анализов. Из близкого когда-то окружения мне разрешено общаться только с родителями и сестрой. Остальные люди – подруги и родственники – как-то сами собой рассосались.

Я слушаю Федора и киваю, соглашаясь с каждым его словом. Муж довольно разглагольствует о нашем будущем, детях и моей предстоящей беременности.

– Гормональный фон отличный, теперь нам нужно забеременеть, котенок, – улыбаясь, замечает он. – А для начала вытащить из тебя спираль. И можно сразу приступить к зачатию. Уверен, у нас все получится. Я сегодня же свяжусь с Варфоломеем, пусть высчитает благоприятные дни для зачатия. Насколько я помню, судя по твоей натальной карте, сейчас самое благоприятное время. Марина, – обращается он к сестре, сидящей за столом между нами, – брось все свои дурацкие делишки и сразу после завтрака поезжай с моей женой к Татьяне Николаевне. Она сейчас звонила. Пусть вытащит спираль. А я смотаюсь в Цюрих на недельку. К тому времени у Апполлинарии все заживет, и приступим.

Заканчивая завтрак, муж без тени смущения рассуждает о моей физиологии, строит планы, когда заделает ребенка. И нимало не задумывается обо мне самой. Да и зачем, если

я еще одна вещь в этом богатом и красивом доме.

Шмелев вытирает губы льняной салфеткой и шумно поднимается из-за стола. Поворачивается ко мне, ожидая, когда я встану, дабы отодвинуть стул и подать руку. Ох уж эти церемонии!

– Съездишь в клинику и отдохай, – велит он, гордо вышагивая по коридору, украшенному витражами. Чувствую, как мою ладонь обхватывают его цепкие холодные пальцы. Силюсь не закричать, прекрасно зная, что означает приказ мужа – дом не покидать!

– Конечно, Федор Ильич, – бормочу я, а в голове бьется только одна мысль: «Беги, дура! Беги!».

В холле, рядом с входной дверью, уже топчется многочисленная охрана и помощники Шмелева. Увидев шефа, народ проявляет бурную деятельность. Кто-то несется открывать дверь, помощник Вячеслав Иванович хватается лежащий на кресле портфель и как преданный пес застывает в шаге от всемогущего патрона. Я точно знаю, как унижительно относится Федор Ильич к своим подчиненным. Ни во что их не ставит и при малейшем косяке может уволить, не заплатив за месяц. А эти люди не только безмерно прогибаются перед ним, но еще и гордятся, что работают у самого Шмелева!

Муж при всех смачно целует меня в губы, хозяйским движением проводит по груди и, коснувшись ладонью моей щеки, замечает.

– Я быстренько порешаю делишки, и назад. Ты тут не ску-

чай, котенок. Береги себя, ладно?

– Да, – вздрагиваю я, чувствуя, как от унижения глаза заполняются слезами. – Счастливого пути, Федор Ильич, – шепчу я, привыкнув с первого дня знакомства называть Шмелева на «вы» и по имени отчеству. Знаю семьи, где даже при такой значительной разнице в возрасте супруги общаются на равных. Но это явно не наш случай.

– Ну-ну, малыш, – довольно улыбается муж. – Тоже не хочу с тобой расставаться...

Вместе с Федором я выхожу на крыльцо, зябко ежусь, обхватив себя руками. Несмотря на теплый сентябрь, меня пробирает дрожь.

«Нужно бежать», – опять проносится в голове заполосенная мысль. Смотрю невидящим взглядом, как Шмелев и вся его свита рассаживаются по иномаркам представительского класса. Бездумно пялюсь на красные огни стоп-сигналов и снова думаю о побеге.

«Беги, – шепчет мне внутренний голос. – Больше шанса не будет!»

Поднимаюсь к себе и в изнеможении падаю на постель. Слава богу, у нас с мужем отдельные спальни, разные гардеробные и санузлы. Федор Ильич навещает меня по расписанию и после быстрого, очень быстрого контакта удаляется к себе. Но даже здесь, в своей комнате, я нахожусь под его неусыпным контролем. Ко мне постоянно заглядывает прислуга с дурацкими вопросами «не надо ли чего?» и при слу-

чае докладывает мужу. Выйти из дома самой – вообще дохлый номер. В любой поездке к родителям или по делу меня сопровождают трое охранников. По магазинам я не хожу, а подруг сразу после свадьбы Федор Ильич вывел намертво, как дихлофос тараканов.

– Держись подальше от нищевородов, – бросил супруг презрительно. – Лучше общайся с женами и дочерьми моих партнеров. Хоть научишься у них хорошим манерам и обретешь лоск.

За пять лет брака подружек в высшем обществе я так и не завела. Но и не очень старалась. Вечно придумывала всякие отговорки, а если и попадала на какие-то сборища, то сидела молча в уголке.

Из-за больной ноги остряки в окружении мужа прозвали меня китайской принцессой. Я думала, что Шмелев рассердится, но ему понравилось.

– Пойми, котенок, – рассмеялся он, – ты создана, чтобы тебя носили на руках!

Встаю с кровати и, пока никто не видит, бегу в гардеробную. Подняв полы длинного шелкового халата, оглядываю ножки. Покореженные Шмелевским Джипом кости давно срослись. Ну, еще бы, если ряд операций мне делали лучшие хирурги страны, а реабилитацию я проходила в Германии. И до сих пор личная массажистка и по совместительству охранница каждый день разминает когда-то покореженные мышцы.

– Будет прихрамывать, – после операции вынесли вердикт врачи. Я и хромаю, никому ни единым словом не обмолвившись, что могу ходить ровно.

Честно говоря, сама не знаю, что срабатывает. Привычка припадать на больную ногу или инстинкт самосохранения. Но за три месяца, как мои конечности полностью восстановились, я ни с кем не поделилась своим маленьким секретом. По дому хожу сама, слегка подволакивая ногу, а в общественных местах опираюсь на руку Тамары, моей охранницы. На всяких приемах и суаре меня водит под ручку Шмелев, давно снискавший славу нежного и заботливого супруга.

Я быстро распахиваю шкафы, шарю глазами по полкам. Лихорадочно думаю, что мне пригодится на первое время. Джинсы и майка. Белье. Косметичка. Больше в мою сумку-шопер вряд ли что поместится. Да и привлечь внимание к своей поклаже я не хочу. Значит, обойдусь по минимуму. Все остальное потом куплю.

Надеваю одно из тех гладких и унылых платьев, что так нравятся моему мужу. Заплетаю волосы в ненавистную дульку и, положив в необъятный шопер вещи, документы и деньги, направляюсь к выходу. На минуту замираю в нерешительности и, вернувшись обратно в гардеробную, выуживаю с полки небольшую кожаную сумочку. Кладу ее на самое дно и с легким сердцем хромаю к выходу.

– Ты уже собралась? Едем, – улыбается мне золовка. Тихая покладистая баба лет пятидесяти, выполняющая у Шме-

лева роль прислуги по особым поручениям. Марина так же, как и брат, тонка в кости. Носит длинные юбки в пол и распущенные волосы, выкрашенные в ужасный рыжий. Личная жизнь у золовки не сложилась, что не мудрено с таким-то братом.

– Где твоя Тамара? – оглаживается по сторонам Марина и, как только охранница появляется, идет вперед.

А я, облокотившись на крепкую руку своего телохранителя, ползу со скоростью черепахи.

Тише едешь, дальше будешь. Мой случай.

В машине, отвернувшись к окну, прикидываю план побега, но я до последнего не верю в удачу.

«Главное, избавиться от телефона и сумки. И незаметно выбраться из медицинского центра. А потом... Как будет угодно госпоже Фортуне, – думаю я, рассматривая мелькающие за окном соседские коттеджи и озерцо невдалеке от дороги. А когда взгляд лишь на минуту задерживается на пункте охраны на выезде из поселка, я нутром понимаю, что больше никогда не вернусь сюда.

Никогда! Никогда!

В центре всегда толчея и очереди в регистратуру. Но на входе меня встречает девица из ВИП-отдела и сразу без промедления ведет в кабинет врача. Сама экзекуция много времени не занимает. Немного ноет низ живота, и трус, давным-давно поселившийся в моей душе, предлагает вернуть-

ся в дом Шмелева. Отлежаться... подумать...

— Где ты еще такого мужика найдешь? — спрашивает меня дрожащая тварь, давным-давно поселившаяся в спинном мозге.

— Лучше жить одной, чем с таким уродом, — пресекает глупые разглагольствования здравый смысл. — Лови момент, Польша!

«Я не оплошаю, — говорю самой себе. — Но рисковать впускаю точно не буду. Как карты лягут...»

Видимо, когда я выхожу из кабинета, госпожа Удача поворачивается ко мне личиком. Тамара сидит в сторонке и что-то читает в телефоне. А Марины поблизости вообще нет. Мельком гляжу на Тамару и быстро сворачиваю в другой коридорчик. Потом проскакиваю еще один и, оказавшись около туалета, быстро захожу внутрь. В маленьком узком помещении переодеваюсь в джинсы и майку, а платье прячу в баул. Просто так выкинуть сумку от Фурлы рука не поднимается. Ее можно Потом продать. Но оранжевый цвет бросается в глаза. А значит, меня можно обнаружить. Вытряхиваю все содержимое на пол и выворачиваю сумку наизнанку. Обычная серая кожа, ничем не примечательные карманы. Вот только фирменный медальон в углу сообщает об изнаночной стороне. Но многие люди и понятия не имеют, что настоящая брендовая вещь имеет внутри маленький жетон с порядковым номером.

Но сейчас мне до этого нет никакого дела. Выхожу из туа-

лета и осторожно оглядываюсь по сторонам. Все коридоры заполнены пациентами, и очень легко затеряться в толпе.

«Боженька, пронеси!» – шепчу беззвучно. Бегом спускаюсь по лестнице и останавливаюсь в нерешительности около перехода в главное здание. Если пойти обычной дорожкой, то выход только один, и именно около него стоит машина Шмелева, а рядом пасется моя основная охрана. Мимо этих точно не пройти. Бультерьеры, блин!

А вот если спуститься ниже, я попаду в детское отделение, а оттуда выйду на соседнюю улицу. Сяду в трамвай, доеду до вокзала. А оттуда на шаттле в аэропорт.

«Отличный план, – говорю самой себе и, отодвинув загородку со знаком «стоп», спускаюсь вниз.

Этот вход в детское отделение – служебный. Обычно пациенты заходят с другой стороны. И если мне повезет...

– Здесь прохода нет, – останавливает меня толстая медсестра и машет похожим на сардельку пальцем.

Я останавливаюсь как вкопанная. Наверное, нужно было бежать через главный вход. Может, и удалось бы проскользнуть мимо людей Шмелева.

– Гавриловна, пропусти, умоляю, – шепчу я, узнав в строгой бабке свою давнюю коллегу.

– Ой, Польша, ты? – всплескивает она руками. – Я же тебя сто лет не видела. Говорят, что ты за богатого старика вышла.

– Вышла, Гавриловна, вышла, – причитаю я. – А теперь сбежать хочу. Пропусти меня, пока не хватились.

– Накушалась сладкой жизни, – понимающе кивает старуха и, схватив меня за руку, тянет в другую сторону. – Я сейчас с нашим водителем поговорю. Он тебя до вокзала подбросит. Все равно ему ехать мимо. Только белый халат накинй, чтоб не мелькать перед камерами...

Примерно через час, оказавшись в шаттле, я понимаю, как мне повезло. И когда электричка трогается, покупаю билет до Стамбула. Почему именно туда? Самый ближайший рейс. И от Турецких авиалиний Шмелев вряд ли добьется ответа.

Потом решу, куда дальше. Сейчас главное убраться по добру по здорову.

– Подальше-подальше, – стучат колеса.

– Беги, не оглядывайся, – трепыхается сердце.

– Ты где, котенок? – приходит сообщение от мужа. – Тамара тебя что-то потеряла.

– Я в туалете, – пишу, не задумываясь о последствиях. – Скрутило сильно. Видимо, за завтраком семга была несвежая.

– На каком этаже?

– На третьем.

– Какого тебя туда занесло?

– На четвертом было занято.

– Ладно, я уже в самолете, – пишет муж и отправляет мне смайлик с нимбом на башке. – Никуда не отходи. Стой, где стоишь. Сейчас Тамара и Марина тебя найдут. Они с ног сбились. Две идиотки.

– Хорошо, Федор Ильич, – искренне заверяю я. И выкинув в аэропорту айфон, подаренный мне Шмелевым, достаю из-под подкладки новый телефон с купленной на имя сестры симкой.

До последнего оглядываюсь по сторонам, опасаясь людей Федора или его самого. Но самолет дорогого мужа, судя по табло, уже вылетел в Цюрих. А мой, до Стамбула, взмлет в небо через каких-то сорок минут.

«Боженька, прнеси! – умоляю я, входя в туалет. Здесь уж точно невозможно напороться на охрану Федора. И когда я самой последней прохожу на посадку, с души обрывается камень. Здоровый такой булыжник.

Я свободна! Свободна-а!

Самолет набирает высоту, а я смотрю на удаляющиеся дома и дороги, на поля, больше напоминающие зеленые и желтые квадратики.

«Удрала, – поет душа. – Как быстро меня найдет муж? – задумываюсь лишь на минуту. – То, что Шмелев меня когда-нибудь вычислит, я ни на минуту не сомневаюсь. Но время – деньги. Главное выиграть месяц-другой, найти нормального адвоката и подать на развод. Сама процедура не хитрая. Вот только удастся ли мне развестись с мужем, или Федор Ильич, подкупив судей, снова запрет меня в своем доме и после показательной экзекуции приступит к воплощению в жизнь своих великих планов?

Под гул двигателей я вспоминаю тот день перед самым Новым годом, когда уже почти на выходе из роддома меня догоняет Светка Слепцова.

– Ковалева, ты домой? – кричит она, зычным голосом останавливая меня в предбаннике.

– Ага, – киваю я, радуясь, что смена закончилась.

– Сгоняй в лабораторию, Поль, – просит меня Светка, протягивая пробирку. – Анализ крови по цито. Там у роженицы кровопотеря. Нужно срочно...

– У нас всегда все срочно, – бурчу я и, кинув сумку на подоконник, на всех парах несусь через больничный скверик в лабораторию. Еще и пробирку впереди держу, как эстафетную палочку.

Я не сразу понимаю, что случилось, когда меня в бок ударяет тяжелый бампер Рэндж Ровера и дикая боль пронзает бедро. Меня заносит сначала на капот, а потом на асфальт. Разбивается пробирка, заливая кровью мое пальто.

– Смотри, куда прешь, – орет на меня выскочивший из-за руля водитель. – Тут до роддома уже близко, Федор Ильич, – мрачно сообщает вышедшему следом пассажиру. – Вы пока Настену заберете, я тут разрулю.

– Не пори ерунду, Миша, – тихим голосом обрывает его шеф. По всему видно, что первый – нахал в стеганой куртке – водитель, а второй – в кашемировом пальто на распашку – его начальник. – Моих дочь и внука есть кому и без меня встретить. А мы должны оказать помощь девушке, – заявля-

ет он, наклоняясь ко мне. – Что же ты так, котенок? Не смотришь, куда бежишь.

– Так по скверу на машинах ездить нельзя, – шепчу я, теряя сознание.

Глава 2

Стамбул встречает меня теплым солнышком, легким ветерком и запахом кофе. Я бесцельно брожу по Старому городу и, поднявшись на Галатскую башню, люблюсь Босфором.

«Представляю, какой сейчас стоит стон до самого Цюриха, – усмехаюсь довольно. – Первый раунд за мной, Федор Ильич!»

Деньги у меня есть. Не привлекая особого внимания, я выгребла все проценты, начисленные на вклад. А там за пять лет брака скопилась немалая сумма.

«На какое-то время хватит, – вздыхаю я, рассматривая яхты и большегрузы, спешащие из Черного моря в Средиземное и обратно.

Тяну кофе из высокой прозрачной чашки и пытаюсь собраться с мыслями. Куда ехать? Чем заниматься? Денег на первое время хватит. Но хочется встать на ноги. Пусть на хромые, но свои.

Лучше потеряться где-нибудь в большом городе. Вернуться в Россию и обосноваться в Москве или в Питере.

«Питер! – вспыхивает в голове красная лампочка. – Прекрасный вариант. И пусть там нет никого из знакомых, но это и неважно, – думаю я, покупая билет до Санкт-Петербурга. И как только оплата проходит, телефон заливается трелью. Жанка! Только она одна знает этот номер.

– Ты где, Полина? – рывкает в трубку, не поздоровавшись. – Мать в конвульсиях бьется, а твоего любимого папашу сейчас удар хватит. Какого лешего удрала от Федюльки?

– И тебе привет, дорогая, – меланхолично бросаю я, собираясь заказать себе еще пахлавy и чашку капучино. Гулять, так гулять!

– Что на тебя нашло? – сурово спрашивает Жанка. – Устроила тут кордебалет...

– Федор Ильич решил меня торжественно оплодотворить, – шепчу в трубку, ловя на себе изумленные взгляды туристов.

– Старый урод! Ты все правильно сделала, систер, – выносит вердикт Жанка. – Где ты сейчас и что думаешь дальше делать?

Я мысленно закатываю глаза. Отделаться от сестры мне еще никогда не удавалось. Жанка младше меня на два года. Но с самого детства отлично научилась тянуть из меня жилы, деньги и информацию...

– Ты там уснула? – настырно выдергивает меня из размышлений сестра.

– Нет, – вздыхаю я. – Просто думаю. Хочу обосноваться в Питере.

– На фига?! – возмущенно фыркает Жанка. – Или у тебя там кто-то есть?

– Кто? – устало бросаю я, понимая, куда клонит сестрица.

– Ну, мужик какой-нибудь...

– Ну что ты мелешь? – цежу я, стараясь холодным тоном осадить зарвавшуюся сестру. Но ее этим точно не проймешь.

– Так, – решает она за меня. – Прилетай ко мне в Никитск. Жить будем вместе. Я тут квартиру снимаю. Расходы пополам. Работу тебе найду.

– Спасибо, – глотая слезы, шепчу я. – Но какую еще работу? Я же пять лет дома просидела...

– А какая клуша у нас окончила медучилище и получила диплом фельдшера-акушера? – бухтит мне в ухо сестрица.

– Ну, я, – признаюсь, как на допросе. – Только, Жанна, мне нельзя официально работать. Меня тогда муж в два счета вычислит...

– А я тебе о чем! – нетерпеливо вскрикивает сестра. – Ты можешь работать доулой, Поля! До-у-лой!

– Как это? – будто не понимаю я.

– Да ты пойми, – втолковывает мне Жанка. – Это же великолепный шанс совместить два твоих образования. Тем более, у меня есть знакомые в этой области. Приезжай ко мне в Никитск. Хата есть, работу тебе найду. Что еще надо?

«Действительно, – думаю я, не сводя задумчивого взгляда с Босфора. И погуляв пару дней по Питеру, лечу к сестре.

Жанка встречает меня в аэропорту. Располневшая и жизнерадостная. И только дома, приложив руки к животу, хвастается.

– Кто-то залетел!

Весело смеется, а потом добавляет заговорщицки.

– Знаешь, кто отец ребенка? Сам Назарет... Он такой крутой, Польша, очешуешь! Богаты-ы-ый! Круче твоего Шмелева.

– Ты выходишь замуж? – спрашиваю я, как наивная дуручка. – Смотри, не обожгись...

– Нет, пока о свадьбе речь не идет. Меня и так все устраивает. Назарета тоже. Я у него иногда остаюсь. Поэтому хата в твоём полном распоряжении. Только мужиков сюда не води. А то хозяйка строгая. Выгонит нас с тобой, да еще на меня Назарету нажалуется.

– Ну, какие мужики, – вздыхаю я, проклиная сестрицу за ее дурацкие шутки. – Мне бы со Шмелевым развестись и в себя прийти.

– Ладно-ладно, – театрально вздыхает сестра. – Пойдем, покажу тебе квартиру. Тут есть на что посмотреть.

Как по мне, привыкшей к напускной роскоши Шмелевского дома, квартира отделана скромно. Материалы, конечно, все дорогие, но подобраны с умом и вкусом. Просторные комнаты оформлены в стиле хай-тек. Много света и стекла. И я неожиданно понимаю, что именно этот стиль, а не вензеля с завитушками, мне нравится больше всего.

– Ну, как тебе хата? Жить можно? – ухмыляется сзади Жанка. Мы с ней совершенно не похожи. Сестра у меня крепко сбитая боевая девица. Вся в папу. А я в мамину породу. Там все худые и скромные. Вот только грудь у меня на размер больше. И это еще с подросткового возраста самая

главная Жанкина печаль.

Всматриваюсь в круглое щекастое лицо и огромные черные глазища. Даже беременность никоим образом не повлияла на сестру. Как была амбалом в юбке, так и осталась. Только будущее материнство сделало сестру немного помягче. Или это гормоны играют.

– Как же я рада, что ты ко мне приехала! – вопит она, сгребав меня в охапку. И шмыгает носом, смаргивая непрошенные слезы. – Я тут совсем одна. Назарет, конечно, нянчится со мной, как с маленькой. Но мужик... Сама знаешь, что с него взять?

– А мама знает? – спрашиваю настороженно.

– Нет пока, – отмахивается Жанка. – Ты ей ничего не говори, пожалуйста! Начнет свои советы дурацкие давать. Мне от них – хоть на стенку лезь. Сама скажу, ладно?

– Хорошо, – пожимаю я плечами, стараясь сосредоточиться на личных проблемах. Не понаслышке знаю про причуды беременных. Одной душно, другой – скучно, а третьей дают не те витамины... А тут родная сестра. Случись что, меня обвинят...

– Занимай любую комнату, – машет рукой Жанка. – Я здесь редко ночую. Чаще у Назарета остаюсь. А сюда днем приезжаю. Задыхаюсь в его дурацкой крепости. Прислуга шныряет туда-сюда. Бойцы по всему дому шастают. Ржут как кони... Мне так спокойнее.

– Ты не работаешь? – интересуюсь удивленно.

– А зачем? – равнодушно пожимает плечами Жанка и добавляет хвастливо. – Назарет богаче твоего Шмеля. Только помоложе в два раза. Он ничего для меня не жалеет.

– Рада за тебя, – равнодушно бросаю я, заходя в небольшую комнату. Она немного отличается от других. На стенах вместо безликой венецианской штукатурки бледно-розовые обои в мелкий желтый цветочек. А из окон открывается изумительный вид на парк. Я как замороженная смотрю на величественный фонтан с мускулистыми торсами, на колесо обозрения и каскады водопадилов, сбегających рядом с высокими ступеньками.

– Так и знала, что ты выберешь эту комнату, – хмыкает сзади сестра. Обводит руками нехитрую обстановку: плюшевый розовый диванчик, белый шкаф, такие же стол и комод. – Мне она напоминает девичью светелку, – морщится Жанка.

– После Шмелевского ампира тут глаз отдыхает, – без всякого умысла говорю я. – Честно говоря, я любой помощи сейчас рада. Ты меня просто выручила! – кидаюсь к сестре на шею.

– Ну что с тобой делать? – вздыхает она. – Свои мозги не вставишь. Сидела бы за дедушкой Федей как за каменной стеной. Деток бы ему нарожала. Денежки бы все к рукам прибрала. Вон, посмотри на шоу-биз! Там таких примеров выше крыши! А Федюльку бы схоронила, нашла бы нового мужика...

– Жанна, – яростно взмахнув руками, выворачиваюсь из объятий. – Да, не хочу я детей от Федора Ильича! Зачем рожать заведомо больного ребенка? Понимаешь? Меня от Шмелева тошнит! Зачем обрекать малыша на жизнь с отцом-деспотом?

– Так вы же спали до свадьбы? – удивляется сестра. – Тогда же не тошнило? И ты его считала добреньким старичком...

– Да я и сама не поняла, как оказалась с ним в одной койке, – сокрушенно бурчу я. – Я тебе сто раз рассказывала!

Отхожу к окну, вытираю ладошкой слезы и снова оказываюсь в уютном ресторанчике в Карловых Варах. Небольшое полуподвальное помещение со старинными кирпичными сводами и тусклыми фресками кажется мне сказочным антуражем. Ресторан закрыт для остальных посетителей. И в мою честь играет квартет, спрятавшийся в одной из арок.

– Надоела толпа. Невозможно поговорить спокойно, – морщится Федор, беря мою ладошку в холодные руки. С холодного лица сходит пренебрежительная гримаска и появляется самая доброжелательная в мире улыбка. – А мне хочется узнать, как у тебя дела? Как себя чувствуешь? Врачи, конечно, докладывают мне каждый день о твоём здоровье...

– Спасибо вам, Федор Ильич. Все хорошо, – лепечу я, даже не пытаясь вытащить руку из захвата Шмелева. – **Стараюсь** сама ходить. Физиотерапевт говорит, что нужно побольше двигаться.

– Ногу сильно не напрягай, котенок. Пока не окрепла, лучше пользоваться креслом, – кивает он на мою инвалидную коляску и, повернувшись к официанту в строгом фраке, делает заказ.

Суп в булке... седло оленя... утка в брусничном соусе...

– Я столько не съем, – шепчу тихо. – Мне бы салатик и сок.

– Ты должна хорошо питаться, – нравоучительно замечает Шмелев. – Придется мне проследить...

Естественно, он давит на меня своей опекой. Лучшие врачи и массажисты. Бесконечные огромные букеты, которые доставляют в мою палату ежедневно. И в каждом записочка «Не грусти, котенок!».

Хочется послать Федора Ильича куда подальше. Но я не могу себе этого позволить. Не имею прав. Еще не хватало упасть на руки родителям неходячей колодой! Если верить Шмелеву, он поставит меня на ноги. И честное слово, я могу потерпеть его прикосновения и мелкие презенты, лишь бы он и дальше спонсировал мое лечение. Да и какой дурак откажется!

Если вдуматься, то сам Шмелев и не виноват в ДТП. Это Миша, его водитель, гнал на всех скоростях к роддому. Другой бы даже первую операцию оплатить не соизволил. А Федор с присущей ему педантичностью контролировал все три и давал жару врачам в больницах. Нашим вообще пришлось несладко. Но и немцам досталось...

Тихий ужин с неспешной беседой запомнился мне во всех

деталях. Тонкие шутки Шмелева, какие-то байки, которые он травил, войдя в раж. Помню, как мы вышли из рестораника.

– Хороший день, – как мальчишка улыбнулся тогда Федор Ильич. – Не хочу, чтобы он так быстро заканчивался...

– Мне нужно возвращаться, – пробормотала я, поправляя плед на коленях.

– Сейчас поедem в санаторий, – улыбнулся Шмелев, берясь за ручку кресла-каталки. Оно у меня, стараниями Федора Ильича, новороченное – с электроприводом и с устройством для пересаживания. Очень удобно.

«Где б ты была, если бы не Шмелев? – думаю я по дороге в санаторий. – Валялась бы дома и не знала, как выйти на улицу!»

Я в который раз поднимаю глаза к небу и благодарю Господа, что он не оставил меня. И пусть иногда Федор Ильич раздражает своей гиперопекой, но я готова до конца жизни молиться за здоровье этого человека.

– А у меня здесь квартира, – простецки кивает Шмелев на роскошную высотку. – Отличный вид на набережную. Давай поднимемся на минуточку, время еще есть! – с азартом решает он. – Согласна, котенок?

Послушно киваю. Не хочу обижать старика отказом. За время болезни я сильно привязалась к нему. И если честно, полюбила как родного дедушку, которого у меня никогда не было. Да и кто бы еще так нянчился со мной?

Панорамный лифт бесшумно несет нас на шестой этаж. Федор Ильич ввозит меня в просторный пентхаус, украшенный статуями и лепниной. Помогает встать на ноги и осторожно ведет к окнам. Чувствую, как его руки крепко сжимают талию, и ловлю себя на неожиданной мысли.

«И почему я решила, что он старый дед? Крепкий красивый мужчина!»

Федор Ильич подводит меня к эркеру, откуда виднеется река и набережная, сверкающая огнями.

– Так тебе будет удобнее, – говорит Шмелев, помогая мне снять тонкий пуховичок. Ощущаю себя безвольной куклой в его руках. Нет, не так... Чувствую себя женщиной, укутанной заботой любящего мужчины. Пусть только на несколько минут. Пусть только в моих глупых мечтах...

Федор Ильич кидает мою куртку на соседнее кресло. Следом летит его кашемировое пальто.

– Давай помогу сесть, – заботливо предлагает он и, придвинув широкое кожаное кресло с высокой спинкой, легко и непринужденно берет меня на руки. У меня не хватает смелости ойкнуть, как я оказываюсь на коленях у своего спасителя. Жадные руки уверенно путешествуют по всему телу. А тонкие губы быстро накрывают мои. Язык вторгается в рот, **обшаривая** там все закоулки. Нужно вырваться и потребовать отвезти меня в санаторий. Но вместо этого я обвиваю руками шею Шмелева и позволяю ему расстегнуть блузку. Чувствую, как его холодные пальцы проникнув под тонкую

ткань, а затем и под кружево бюстгальтера, мягко и нежно сжимают мою плоть. Умом понимаю, что это безумие нужно прекратить, но не двигаюсь с места, неожиданно ощущая небывалый восторг. По телу бегут мурашки, а внутри пульсирует жгучее желание.

– Скажи мне «да», – шепчет на ухо Федор Ильич и смотрит выжидательно, немигающим взглядом напоминая хищника.

А когда я киваю, с рыком победителя несет меня в спальню.

Для меня до сих пор остается загадкой, как я могла вот так запросто отдаться Шмелеву. Но той ночью в его объятиях мне было так сладко! А утром за завтраком Федор Ильич надевает мне на палец кольцо с бриллиантом.

– Как честный человек, я должен на тебе жениться, – заявляет он непререкаемым тоном.

А через две недели, забрав меня из чешского санатория, перевозит в свою московскую квартиру.

– Мы поженимся в начале июня. Выбирай любую дату до пятнадцатого числа, – заявляет он, не давая мне вставить даже слово. – Все под контролем, котенок. Я советовался с астрологами. Сейчас самый благоприятный период. Если хочешь, давай вместе посмотрим в календарь...

И сам же назначает свадьбу на десятое июня. Внутри меня все замирает.

Не хочу! Не могу! Не буду!

Но я даже заикнуться боюсь о разрыве помолвки. Ежесекундная трогательная забота напрягает. Но в голове **постоянно** бьется мысль «А кому ты нужна, калека?!».

В день свадьбы меня с утра накрывает истерика.

– Мамочка, – рыдаю я на груди у матери. – Увези меня отсюда, пожалуйста! Я не люблю его!

– Да кто еще так с тобой носиться будет, Польша? Кто на тебе, покалеченной, еще женится? – оторопело смотрит на меня мать и вздыхает горестно. – А Федор Ильич – мужчина порядочный. Да и ты его обнадежила. Это все предсвадебные волнения, дочка. Возьми себя в руки...

– Вон, здоровые девки найти себе мужика не могут, – фыркает Жанка. – А у инвалидки вообще шансов нет никаких. А ты такого деда богатого отхватила! Помрет вскорости, все тебе достанется...

– Жанна, – одергивает сестру мать.

– А что я такого сказала? – фыркает она. – Это же правда!

– Полина, – просит меня родительница. – Столько денег потрачено. Люди уже собрались. Ну, не захочешь жить с Федором Ильичом, разведешься. Он же тебя насильно рядом держать не станет. Но, милая, – обнимает меня **мама**. Прижимает к себе. – Трудно даже здоровой женщине найти такого любящего мужчину. Федор Ильич с тебя пылинки сдувает. Боготворит.

Всхлипываю, наблюдая, как мать поправляет на моей голове тиару с бриллиантами. Стою как вкопанная, опираясь

на спинку стула, когда она одергивает фату, купленную во Франции.

– Надевай туфли, и пойдем, – лихо командует Жанка.

Хочу закричать. Прогнать мать и сестру прочь. Убежать куда глаза глядят. Но не двигаюсь с места, осознавая неоспоримый факт. Мои близкие правы. До выздоровления еще очень далеко. И вряд ли я смогу ходить самостоятельно. И что меня ждет без поддержки Федора Ильича?

Не успеваю ответить самой себе, когда дверь распахивается, и в комнату, будто вихрь, врывается Шмелев. В темно-синем костюме от Бриони, с белым галстуком и таким же цветком в петлице.

– Ты готова, Аполлинария? – весело осведомляется он. – Какая же ты красивая сегодня. Глаз не отвести.

– Спасибо, Федор Ильич, – шепчу, собираясь в последний момент отказаться от свадьбы. – Но я...

– Ты что такая печальная? Болит нога? – спрашивает он обеспокоенно и строго смотрит на мою медсестру, сидящую в кресле у дальней стены. – Вы сегодня кололи Аполлинарии Михайловне обезболивающее? Или ждете от меня указаний?

– Но она не говорила... – пытается возразить та.

– А вы сами не видите? – рычит Шмелев, настойчиво подводя меня к кровати. – Не терпи боль, любимая, – шепчет он, приподнимая подол платья, и строго велит моим матери и сестре. – Выйдите, пожалуйста.

– Платье помнется, – пытаюсь воспротивиться я. – Я по-

терплю, – заверяю торопливо, боясь, что будущий муж догадается об истинной причине моих слез.

– Ерунда, – хмыкает Федор Ильич. – Принцесса Диана выходила замуж в ужасно мятом платье. И ее видел весь мир. А у нас домашняя церемония.

Чувствую, как в мышцу вонзается игла, и вместе с болью от укола в моей пустой башке бьется простая до безобразия мысль.

«Все! Клетка захлопнулась!»

Шмелев помогает мне сесть на постели. И откинув в сторону трехслойный подол свадебного платья обнажает мои ноги чуть ли не до самых трусиков. Спокойно надевает мне на ноги туфли. По-хозяйски проводит ладонями по белым чулкам, каждым движением давая понять, что отныне я полностью принадлежу только ему. Послушная жена состоятельного мужчины.

– Сладкая моя, – шепчет хрипло и, осмотрев меня жадным взглядом, интересуется насмешливо.

– А где кольцо, что я тебе подарил? Отдала сестре или загнала в ломбард?

– Нет, оно в сейфе, – лепечу я. – Мне кажется, изумруды плохо сочетаются с диадемой.

– В них отражаются твои глаза, – улыбается Федор Ильич, мягко целуя меня в нос. – Уважь мужа, котенок. Сегодня твой день, и ты должна блистать на все сто!

Киваю, зная, что Шмелев все равно настоит на своем.

Покорно подставляю шею под тяжелое ожерелье. Замочек щелкает, впуская в душу студеную безысходность.

«Это конец. Теперь я полностью во власти мужа. Не вырваться, и никогда не обрести свободу!»

Глава 3

Линара

С Жанкой в день приезда мы болтаем до утра. Ей, правда, приходится позвонить Назарету и отпроситься на ночь.

– Прости, милый, сестра приехала, – докладывает она, выходя из кухни, где мы, нажарив картошки и мяса, устроили посиделки. До меня долетают какие-то смешки и шепот сестры.

– Он с друзьями в баню пойдет, – вернувшись к столу, машет она рукой. – Развлекаемся каждый по своей программе.

Я внимательно вглядываюсь в счастливое лицо сестры и прошу Боженьку дать ей счастья. Если у меня жизнь не задалась, то пусть уж хоть ей счастья обломится.

– Завтра мы с Назаретом идем на скрининг, – заявляет Жанка. – Заодно и пол ребенка узнаем.

– А ты кого хочешь? – задаю глупейший вопрос.

– Да мне все равно, – пожимает плечами сестра. – Ну, не знаю даже... Родить поскорее хочется, – признается она. – Надоело с пузом ходить.

– Да срок-то еще небольшой, – ласково напоминаю я. – Ты маме когда скажешь?

– Давай договоримся так, – строго замечает сестрица. – Я молчу о твоём местонахождении. А ты – о моей беременности. Согласна?

– Ладно, – сдаюсь я, смутно догадываясь, что Шмелев обязательно возьмет в оборот моих родителей. А они люди простые. Интригами не искушенные. Вряд ли смогут что-то утаить от Федора Ильича. Проболтаются обязательно, а потом затаянут песню «Разберитесь по-хорошему!». Федя им наврет с три короба и рванет за мной в Никитск.

– Вот и славно, – весело замечает Жанна. – Маме отправить письмо какое-нибудь, чтобы она не волновалась. И с утра долго не разлеживайся. Я вернусь, поедem с тобой к Люсе...

– А кто это? – удивилась я, желая отдохнуть, а не бродить по хаткам.

– Самая крутая акушерка в городе. Специализируется на домашних родах. Обычных или в воде. Я с ней рожать планирую. Назарет уже договорился...

– Здорово, вот только при чем здесь я?

– Люся... Людмила Вячеславовна то есть, обычно работает с доулой. Она сама очень строгая. Ее требования должны выполняться неукоснительно. А доула – помощница для роженицы. Она объяснит, что требуется. Водички принесет, потрет спинку и ножки. Научит правильно дышать. Она как буфер между строгой Люсей и капризной клиенткой, понимаешь?

– Допустим...

– Так вот, – вздыхает сестра и смотрит на меня как на умственно отсталую. – Ирка – ее последняя доула – умотала работать в спортзал. Она вообще-то инструктор по йоге. И Люся сейчас ищет специалиста. А у тебя дипломы потрясающие. Как раз в тему. Вот она и заинтересовалась...

– А откуда она про меня знает? – изумленно смотрю на сестру. – Я же только в Никитск приехала.

– Ну, здрасьте-пожалуйста! – разводит руками Жанка. – Твой Шмелев, небось, тебе все мозги выел. Ничего не сообщаем, Польша! Пока ты ко мне летела, я все и обтяпала. Скажи спасибо, что у тебя такая сестра умничка!

– Но, – пытаюсь переварить информацию. – Жанна, я никогда таким не занималась. Училась на психфаке в свое удовольствие...

– Вот пора и совместить приятное с полезным. Жить-то на что-то надо. Сумку от Фурлы уже, конечно, не купишь, но на булку с маслом должно хватить. Не зря же ты училась, систер!

– Не зря, – эхом повторяю я, даже не рассчитывая на такой благополучный исход.

Прекрасно помню, почему решила пойти учиться. Лишь бы меньше бывать рядом с Федором. И хоть как-то занять мозги. Честно говоря, мне больше всего хотелось продолжить учебу в медицинском. Выучиться на гинеколога и вести прием в каком-нибудь известном центре. Но стоило мне

только заикнуться об этом Шмелеву, как у него глаза вылезли из орбит.

– Врач, по сути, обслуга, моя дорогая, – шипит он. – Тебе, как моей жене, недопустимо чужие пилотки разглядывать. Как мне с тобой тогда в одну постель ложиться, зная, куда ты всовывала пальцы и на что смотришь весь день. Еще в дом сразу принесешь...

От такого поворота я даже слова сказать не могла. Стояла, пораженная, и смотрела на холеного старика в джинсах и футболке от Армани. Это надо такое придумать! Врач – это обслуга! А банкир кто? Хозяин жизни? Красивый поворот!

– Выбери себе что-нибудь более утонченное, – поморщившись, разрешает Федор Ильич. – Искусствоведение или социологию. Чудесные бесполезные предметы. Зато в любом обществе ты без труда найдешь тему для беседы.

– Может, психология? – спрашиваю как можно равнодушно.

– Пожалуй, да, – добродушно кивает Шмелев. – Выбери хороший ВУЗ, котенок. Я все оплачу. Или нет, – отмахивается он, передумав. – Позвоню Сашке Далецкому. Он тут в нашем универе в ректоры выбился. Попрошу его принять тебя на бюджет. Отличный вариант!

Сказано, сделано! И буквально через пару месяцев я вливаюсь в ряды студентов. Но все мои мечты, хотя бы на парах оставаться без надзора разбиваются о строгие указания Федора. Мне нанимают личного телохранителя. И рослая

противная баба сопровождает меня везде. Даже в университетский сортир. Естественно, мои однокурсники с первого дня считают меня больной и странной. Смотрят пренебрежительно и дают обидное прозвище. Инвалидка! Сторонятся, всем своим видом показывая, как им противно мое общество. За партой я сижу одна, не считая Тамары. Поэтому остается только учиться, а дома – обсуждать с Федором Ильичом прошедший в разлуке день.

– Хоть я и считаю психологов шарлатанами, но мне тоже полезны твои рассказы, – говорит он за ужином. – Потом посмотрим, котенок! Если врачи запретят нам рожать, открою тебе частную практику. Или введу для тебя в банке специальную должность. А что? Это идея! Распоряжусь освободить кабинет рядом с моим. И в обед сможем предаваться разврату, – хохочет он, потянувшись ко мне. Наскоро обтерев губы салфеткой, муж целует меня грубо и требовательно.

И в тот момент я отчетливо понимаю, что хромая и беременная стану совершенно беспомощной. А когда появится ребенок, Федор точно не даст развод. Или выгонит меня, оставив малыша себе. Сколько таких случаев? Да до фига!

– Ребенок? – не в силах переварить информацию, тихо тяну я. – У вас же есть Настя и Илья... А мне здоровье, наверное, не позволит...

– Здоровье поправим. Марина, запиши мою жену к нормальному эндокринологу, – поворачивается он к сестре, сидящей напротив меня. – Или ты не хочешь от меня детей? –

спрашивает подозрительно, как будто Шмелевский отпрыск – это самый дорогой подарок в мире.

Брезгливая гримаса безотчетно пробегает по моему лицу. Стараюсь как-то справиться с чувствами. Но бесполезно! Муж мгновенно догадывается.

– Выйди, Марина, – велит он сестре. – Все пошли вон! – кричит он в ярости. И когда все домочадцы, как ошпаренные, вылетают из столовой, спокойно встает из-за стола и нависает надо мной. Я сижу, боясь пошелохнуться. Даже не успеваю удивиться перемене, когда добродушный старичок превратился в злобного монстра.

– Посмотри на меня, – сипло приказывает муж, беря меня двумя пальцами за подбородок и чуть приподнимая мое лицо. – Ты что себе возомнила, Аполлинария?

Застываю, немея от страха.

«Но не ударит же он меня», – думаю легкомысленно, когда тонкая ладонь рассекает воздух и бьет меня по лицу.

– Ты, дрянь, совсем рассобачилась, – хрипит Федор Ильич. – Придется тебя держать в строгости.

Как будто до этого я жила как-то иначе!

– Повторяй за мной, – рычит он, все еще удерживая меня за лицо. Из моих глаз ручьем текут слезы, а язык прилип к небу. Неужели весь этот ужас происходит со мной? – Повторяй! Я очень хочу ребенка. Дорогой муж, мы должны чаще тренироваться...

Рыдая, бормочу вслед за Шмелевым. Закрываю глаза, что-

бы не видеть искаженное злобой лицо мужа. И чувствую, как моих глаз касается льняная салфетка.

– Все хорошо, котенок, – вздыхает Федор Ильич. – От тебя требуется только одно. Послушание. Поняла? Ты же хочешь жить со мной в любви и согласии?

– Да, – киваю я и прошу жалобно. – Я все сделаю, как вы велите. Только не бейте меня, пожалуйста!

– Не говори ерунды, – криво усмехается муж. – Я тебя даже пальцем не тронул.

Он внимательно смотрит на меня и, придавив свободной рукой мою шею, замечает сварливо.

– Зря я разрешил тебе посещать универ. Небось, встретила там молодого козла, а теперь от меня нос воротишь.

– Нет, – мотаю я головой. – Я не общаюсь со сверстниками. Спросите Тамару!

– Это хорошо, – кивает Шмелев. – Больше не расстраивай меня, котенок. А то костей не соберешь, поняла? – рыкает он, пригибая мою шею к столу.

– Да, – сиплю обреченно. – Отпустите меня, пожалуйста! Я больше не буду, – бурчу как маленькая. И самой себе противна в собственном бессилии.

– Вытри слезки, и давай позовем наших родственников. А то решат, что мы тут уже приступили к операции «наследник», – добродушно усмехается он и громко зовет. – Можете войти!

С этого вечера многое меняется. Кроме Тамары меня в

университет теперь сопровождает еще и Николай Иванович, коренастый строгий мужик. Но он обычно не заходит в аудитории, а терпеливо ждет под дверями. Ко мне и раньше никто подойти не мог. А теперь тем более. Исключение составляют две девчонки с социологии. Дочки Шмелевских партнеров. На перемене, если встречаемся где-то в коридорах, можем поболтать минутку. Но всегда под надзором строгой Тамары.

– Она у тебя в памперсе ходит? – хихикает Ляля, когда приходит к нам в гости вместе с родителями.

– Это же биоробот, – смеется Света. – Функция очистки не предусмотрена. Когда забьется гуаном, Федор Ильич купит новый аппарат.

Девчонки почти мои ровесницы. Веселые. Радостные. Болтают о женихах и нарядах. А я лишь слушаю их и печально улыбаюсь. На тряпки Федор денег не жалеет. Вот только все покупает по собственному вкусу, никак не заботясь о моих желаниях. Его вообще мое мнение не интересует. Может распустить мне тщательно уложенные волосы, или заставить пойти переодеться. Не угадаешь, когда и чем можешь не угодить... Приходится приспосабливаться и заранее просчитывать все варианты. В нужный момент изображать интерес, в другой раз – скуку. А главное – притворяться в постели. Подмахивать и стонать с чувством. А это противно.

Чем хороша профессия психолога? Ты понимаешь о людях все. Прекрасно знаешь все повадки абьюзера и пути к освобождению. А в реальной жизни ничем не можешь вос-

пользоваться.

План побега рождается в моей голове не сразу. Видимо, понадобилось еще два леща, чтобы я задумалась об этом основательно.

«Самое главное, новый смартфон», – решаю я и, когда на новый год приезжает сестра, прошу ее купить мне самый простой Самсунг и симку.

«Нужно бежать, – шепчу я, захлебываясь слезами той ночью, когда муж из-за глупой шутки приложился к моей голой спине и ниже тонким ремнем. Чувствую, как горит кожа чуть на пояснице и ягодицах. Пытаюсь изо всех сил совладать с собой. – Главное, ничем не показать свою решимость, – думаю я. – Повод у абьюзера может быть любой. Тем и страшен подобный брак. Живешь как на пороховой бочке. И никогда не догадаешься, что ждет тебя за поворотом. То ли получишь кольцо с бриллиантом, то ли по морде. А может статься и то, и другое».

«Уходите оттуда, где вам плохо!» – призывает всех известный психолог. А за ним как попки повторяют другие. А ты попробуй, дорогой товарищ, уйти от Федора Ильича! Это ж как нужно исхитриться, чтобы обмануть несколько кругов охраны и не попасться. Потому как в моем случае, провал равносильен гибели. Федор просто запрет меня в доме и не разрешит посещать универ и родителей.

При первой же оказии Жанка передает мне новенький Самсунг.

– Симка на мое имя, – говорит торжественно. – Заныкай подальше, чтобы Федюлька не засек.

Легко сказать! А учитывая любовь Шмелева копать в моих вещах, спрятать сотовый так, чтобы он его не нашел, вообще дохлый номер. Хорошо хоть в мою гардеробную не проверяют на жучки. У Шмелева пунктик. Муж свято уверен, что все его разговоры прослушивают конкуренты. Поэтому Самсунг приходится держать за подкладкой сумки и везде носить с собой. Благо он выключен. А я самой себе напоминаю партизанку на задании, несущую в штаб СС бомбу.

Беспомощная коза, блин!

Сержусь на себя. Ну как не сердиться, когда со Шмелевым растеряла все. Даже чувство собственного достоинства!

Во все глаза смотрю на сестру, горбушкой обтирающую юшку в салате. И дышу. Дышу!

Я свободна, мать вашу! От Федора Ильича и его дурацких требований. От его рук, лапающих меня, когда вздумается. От гадского, чуть надтреснутого голоса. Птичка упорхнула из клетки, старый козел! Так тебе и надо!

Уже под утро, когда, наговорившись вдоволь, мы разбредаемся по спальням, я решаю согласиться на Жанкино предложение. Работать ни по одной специальности я не смогу. А доула – это как раз самый оптимальный вариант!

Утром я просыпаюсь от громкого шепота. Жанка, склонившись надо мной, пытается что-то втолковать.

– Мы с Назаретом едем в Перинатальный центр. Часов в

двенадцать вернусь. Сведу тебя с Люсей. Отдыхай, систер...

Но как только за Жанной захлопывается дверь, я подскакиваю с постели. Запахиваю на груди ее халат. Бегу в кухню и с высоты шестого этажа смотрю, как моя сестра в сопровождении высокого широкоплечего мужика спешит к черному Порш Кайену. Мужчина что-то весело бросает Жанке. Она улыбается. Его лица я не вижу. Но в каждом движении этого человека чувствуются сила и власть. Он чуть поворачивается к моей сестре, и я перестаю дышать. Как зачарованная, смотрю на хищный профиль и молю, молю бога.

Пусть тебе повезет, сестричка!

В этот момент Назарет оглядывается и внимательно глядит на наши окна. Я успеваю вовремя отпрянуть в сторону. А потом медленно осаживаюсь на пол и рыдаю навзрыд.

Поломанная глупая кукла!

«Вставай, – говорю себе, когда слезы иссякли. – Выплакалась, и хорошо. А теперь за дело. Попробуй вылепить из обломков души самоуважение и уверенность. Потихонечку, милая, шаг за шагом», – убеждаю себя.

Поднимаюсь с пола и как больная бреду в ванную. Смотрю на себя в огромное во всю стену зеркало с яркой подсветкой и вижу бледного заморыша. Ну, какая из меня доула?!

«Ты должна произвести хорошее впечатление на эту Люсю, – велю самой себе. – Работа нужна. Особенно, без оформления. Давай, мой голову, красотка!»

Встреча с самой великой акушеркой Никитска проходит

на удивление приятно. И вскоре мы с Люсей уже болтаем как закадычные подруги. Она снабжает меня учебными пособиями и роликами. А примерно через месяц, погоняв по выданному материалу, берет с собой на роды. Жизнь потихоньку налаживается. Я уже меньше обращаю внимание на прохожих. Не выглядываю в витринах «хвост», а свободно и беззаботно живу. Дышу полной грудью. Гуляю в парке в свободное время и, глядя на забавных малышей, которых матери возят по парку, запрещаю себе думать о материнстве.

«От Федора не хочу. А кто-то другой вряд ли согласится жить с чужой женой».

В том, что Шмелев мне не даст развода, я уверена. Затянет процесс, всучит кому надо взятки. Потребует вызвать меня в суд. А там поймает в ловушку. Лучше уж жить одной. Заниматься любимым делом, а по вечерам слушать Жанкины байки.

– Почему вы не живете вместе с Назаретом? – спрашиваю сестру.

– Он меня бесит, – отмахивается она. – Родится ребенок, тогда, может, к нему перееду окончательно. А пока мне с тобой лучше, чем с ним. Под боком личная доула!

– Странно, что твой муж так и не соблаговолил познакомиться со мной и с родителями, – бубню я сварливо.

– Ой, – фыркает Жанна, – перекрестись левой пяткой! Он такой нудный и правильный. У него на все есть свое мнение. Не переспоришь, блин! Кстати, он на родах собирается при-

сутствовать, — хмыкает сестра. — Вот там и познакомитесь!

— Не очень-то и хотелось, — огрызаюсь я, прекрасно понимая, что в тот момент будет не до формальностей. Кивнем друг другу — в лучшем случае.

Но в тот момент, когда в ванную комнату, где в большой белой джакузи стонет моя сестра, стремительно входит высокий властный мужчина, у меня все обрывается внутри. Опускаю голову, убирая со лба Жанкины волосы. Исподволь наблюдаю, как Назарет в обычном белом халате и в шапочке садится на стул рядом с Жанной. Даже издалека видно, что самый крутой мэн в городе немного прибалдел. Просто сидит рядом, держит Жанку за руку и отрешенно смотрит куда-то в стену.

Продолжительная схватка скручивает сестру. Она стонет от боли, а этот наглый тип даже не поцелует ее.

— Полюби каждую схватку. Это мостик от тебя к ребенку! — шепчу я Жанке, как учила Люся.

Глава 4

Шмелев

С той минуты, как пропала Аполлинария, я пребываю в бешенстве. Пару раз даже врезал кому-то по морде. Думал, нажалуются, но нет, никто даже не пикнул. Терпилы, блин!

И каждый день из этих проклятых семи месяцев я беспрерывно размышляю о своей жене. Куда она делась, мать вашу! Маленькая стерва сбежала. Придумала хитренький план и дала деру. Никто из семьи и охраны даже не догадался проверить сумку моей благоверной. Никому в голову не пришло задаться элементарным вопросом – а за каким лядом госпоже Шмелевой на приеме у врача понадобился шоппер? Нет, в кабинет ее, конечно, под белы руки завели. Вот только оттуда она выскочила тайком. Судя по камерам, вошла в туалет, а после уже исчезла с радаров.

Что произошло на самом деле, моя охрана поняла не сразу. Сначала эта глупая корова Тамара оббежала все сортиры в медицинском центре. Ворвалась в каждую кабинку. Нарвалась на какую-то истеричку и ввязалась в скандал. Тут же подроспела охрана центра. Затем подключились парни, дежурившие на улице.

– Ее нет в здании, Ильич, – виновато басит в трубку Панкратов, глава моего охранного агентства, стоит мне только выйти из здания аэропорта. – Проверили все камеры наблюдения. Аполлинария Михайловна исчезла...

– Как, вашу мать, она могла пропасть? А вы куда смотрели? Местная СБ? – глухо спрашиваю я, усаживаясь в поджидающий меня Майбах. И спина холодеет от ужаса. Если мою девочку похитили, то должны выдвинуть требования. Вот только вопрос кто и зачем? У меня нет врагов, способных на такой поступок. А те, кто пытался рыпаться подо мной, уже давно перестали трепыхаться и просто весело подмахивают. Ну, или свалили далеко и надолго.

– Как и где искали? – обрываю охи и вздохи Панкратова.

– Ну как... – бубнит он. – Высматривали прихрамывающую девушку чуть выше среднего роста в бледно-голубом платье...

– Подожди... – рявкаю я и включаю видеоконференцию, приглашая к разговору сестру и охрану, выезжавшую с моей супругой в медицинский центр. Вот тут-то я выясняю про шоппер.

– Кто-нибудь знает, что находилось в сумке? Кому-то пришлось в голову ее проверить?

– Федя, мы говорим о твоей жене, а не о преступнице, сбежавшей из мест заключения. Ее же не из зоны в больницу привезли, – брякает моя дура-сестра.

Была бы эта стерва рядом, вмиг бы отхватила по морда-

сам. А так остается только шипеть.

– Запросите в больнице копии записей видеонаблюдения. И пришлите мне, – отрывисто бросаю я. – Придется мне за вас поработать.

Благотворительный базар, сцуко!

– Федор Ильич, мы уже получили копии, – бодро рапортует Панкратов, хотя глядя на его испуганный пряник, я подозреваю обратное. Никто ничего не запросил и не получил. Но сейчас зашуршат... бараны... Начнут имитировать бурную деятельность.

Но по полученным от Центра записям так ничего выяснить не удалось. Камеры на выходе не зафиксировали никого похожего на мою жену. Спрятаться где-то в центре она не могла. Местная охрана прошерстила все помещения. Остался только служебный вход. Но там особого движения не было. Какие-то медсестры или лаборантки сели в Ладу Калину и уехали.

Чувствую, как сердце пропускает удар. Куда все-таки делась моя жена? Испарилась, блин! Выпорхнула птишка из золотой клетки. Версию похищения я отметаю сразу. Иначе бы моя стервочка не врала про туалет и несвежую семгу. Побег, твою мать! Но я найду эту дрянь и верну домой. Пусть знает свое место. Еще никому не удавалось облапошить Федю Шмелева.

– Это все детский лепет, – обрываю я бодрые заверения Панкратова. – Всех оштрафовать, Валерий Дмитриевич, –

приказываю я. – Авдееву уволить.

– Федор Ильич, пожалуйста, – вопит Тамара Авдеева с другой стороны экрана. Высокооплачиваемый телохранитель моей супруги, блин. – Я лично разыщу Аполлинарию Михайловну. Христом богом клянусь!

Вот это я понимаю порыв энтузиазма. Пока по голове кувалдой не настучишь, никто не пошевелится. Ленивые ж. пы!

– Мне нужно тебе еще раз поверить? – спрашиваю подозрительно. – Я, по-твоему, полный лох?

– Нет-нет! Я найду ее! – воет Тамара. И мне вдруг в одночасье становится смешно. Естественно, сейчас эта корова поднимет свой мощный зад и кинется искать мою жену. Дело пахло жареным! Подозревает, чем для нее может закончиться эта дурно пахнувшая история. В нашем городе ей даже ПТУ не доверяют охранять. К тому же на кону стоит ее собственная квартирка в спальном районе. Я-то своего не упущу. Сдеру три шкуры как возмещение убытков.

– Посмотрим, – бросаю отрывисто. – Пока я в командировке, предоставьте мне точные сведения, где сейчас находится моя супруга, и кто ей помогал. Хочу к вечеру иметь полную информацию, как ей удалось выбраться из Центра, и где она находится в настоящий момент? Кстати, аэропорты и вокзалы запросили?

– Да, – как пионер заявляет Панкратов. – Ждем от них информацию...

– Сразу мне присылайте, – рявкаю я, собираясь отключить

связь.

– Федя, – робко спрашивает сестра. – Может, лучше обратиться в полицию? Вдруг с Полинкой что-то случилось...

– Мою жену зовут Аполлинария, – рычу я, не сдерживаясь. – И никакой полиции. Не хватало еще, чтобы мое имя полоскали в ящике и в интернете! Ты хоть представляешь, какая буря поднимется? Неужели не можешь спрогнозировать элементарные вещи?

Бросаю трубку и тут же набираю тестя. Старый чудак вообще не в курсе, где его обожаемая «Полинка». А теща всегда себе на уме. Даже если что-то знает, не скажет.

– Пока в полицию не обращаемся, – то ли прошу, то ли приказываю я.

– Хорошо, – легко соглашается тесть. Очень легко. Значит, в теме. Только играет на другой стороне поля.

Ну, погоди, старый козел, – мстительно щурюсь я. – У тебя еще прихватит твоя язва. Будешь лежать в городской больнице, а не в частной клинике...

«Старый козел, – усмехаюсь мысленно, только сейчас сообразив, что отец жены младше меня на семь лет. Вот только где он со своими болячками, и где я, женатый на его дочке?!»

Намного позже, получив данные с камер наблюдения аэропорта, до меня доходит неоспоримая истина. Мы ищем хромую девку в голубом платье, а моя дражайшая супруга умудрилась переодеться в джинсы и какую-то безликую майку. Я даже понятия не имел, откуда у нее эти вещи. Вгляды-

ваясь в экран, я с интересом наблюдаю, как любимая проходит таможенный и паспортный контроль. И не хромает, стерва!

Вспоминаю ту нашу первую встречу, когда заполошная девчонка внезапно оказалась под колесами моего Джипа. И кровь на снегу... Много крови. В тот момент я чуть в штаны не наложил. Думал, все! Сбили насмерть! И хоть за рулем сидел Миша – мой постоянный водитель, но дурацкие заголовки СМИ уже замелькали перед глазами.

«Банкир-убийца! Распятъ!»

Сразу в момент ДТП мне в глаза бросается красота девчонки. Вот она лежит в луже крови, стонет от боли, а я люблюсь. Маньяк, блин!

Сергеа буровит всякую хрень, ругается, как портовый грузчик. А мои руки уже сами тянутся к потерпевшей.

– В травму, быстро! – рывкаю я, поднимая красавицу с алого снега. Осторожно укладываю ее на заднее сиденье Ренджа. Плевать на светлую обивку, на кашемировое пальто в бурых пятнах.

– Гони, что вылупился! – ору на водителя.

А сам тем временем ставлю на уши главного врача и заведующего травматологией. Как итог, красоточка попадает на операционный стол уже через полчаса после аварии.

Нет, я не хочу скрыть следы или избежать ответственности.

– Лечение полностью за мой счет, – говорю я матери дев-

чонки. – Плюс компенсация ущерба. Пяти миллионов хватит? – спрашиваю отрывисто. И по глазам вижу, что хватило бы и одного. Деньги выплачиваю сразу, а лечение беру под личный контроль. А когда девчонка слегка поправляется, чувствую, как меня лихорадит от гона. Цветы, конфеты ручной работы. Какие-то немыслимые подарки. Да я так ни за одной своей женой не ухаживал! Но эти глаза наивного олененка околдовали меня сразу. Ведьма, блин! Хрупкая нежная девочка. Пусть не девственница, но такая наивная и неискушенная! Аж башню сносит. Именно тогда посылаю куда подальше всех телок и вступаю в гребаный отряд задротов. Жалким озабоченным онанистам только туда и дорога. К другим бабам меня совершенно не тянет, а к моей девочке еще не настало время подкатить по-взрослому. Это уже потом, после первого курса реабилитации, я решаю, что самый раз перейти к следующему этапу отношений. Будто случайно по пути из Дрездена в Прагу заезжаю провести малышку в Карловы Вары. Веду ужинать в элитный ресторан. И плачу шутку евро специально обученному человеку, капнувшему немного аналога шпанской мушки в стакан томатного сока. Вуаля!

Та ночь казалась мне бесконечной и самой лучшей в жизни. Я, конечно, подозревал, какой сладкий пирожок угодил на капот моего Рэнджа. Но даже не догадывался, как мне снесет башку от обладания Аполлинарией. Я готов был умереть за нее. И больше всего на свете мечтал жениться на этом

маленьком забавном воробушке. И сразу бы поволок Аполлинарию в ЗАГС, но она смутилась и ничего не ответила. А я закусил удила! И как не придушил маленькую стерву! Но таки добился своего! Надел на тоненький пальчик свое кольцо и лишь недавно заикнулся о детях.

Может, разговор о предстоящей беременности всему виной?

«Кстати! – быю себя по башке. – Эти пять миллионов, которые я вроде бы и выплатил сразу, но они так и остались в моем банке. Какова их судьба?»

Лихорадочно открываю нужную вкладку в программе. Во все глаза смотрю на вклад супруги и не верю своим глазам. Деньги на месте. Вот только проценты сняты и переведены на карту Сбера.

– Красивый ход, Аполлинария Михайловна! Очень красивый! – быю себя по ляжке.

Основную сумму моя жена трогать не стала. Прекрасно понимала, что никто без моего ведома не выведет со счетов такие бабки. А я насторожусь. Начну задавать вопросы. Видимо, моей совершенно не алчной супруге этого хотелось меньше всего. А вот с процентами прокатило! А я, дурак, еще и ставку увеличил! На безбедную жизнь, конечно, не хватит. А вот на билеты вполне достаточно!

Естественно, жене помогали родственнички! Наверняка не обошлось без мамы и Жанки. Я в этом ни на минуту не сомневаюсь. Особенно, когда в урне аэропорта находят

подаренный мною айфон за семьдесят штук.

«Удрала, стерва! – мычу я, свирепея. – И чего тебе не хватало?»

Сжимаю кулаки от бессилия. Прошло больше полугода. На поиски потрачены миллионы. Но я до сих пор не знаю, где именно прячется Аполлинария. Улетела вроде в Стамбул. А оттуда в Питер. Мои люди обшарили весь город и окрестности. Прошерстили все отели от Невского до проспекта Художников, но обнаружить беглянку так и не удалось. Может, ее инопланетяне украли? – скалюсь я в недоброй ухмылке.

– Федор Ильич, к вам Панкратов просится! – отвлекает секретарь от невеселых мыслей.

– Пусть зайдет, – тихо вздыхаю я, снова возвращаясь к размышлениям о жене. Карты оплаты я ей блокировать не стал. Рассчитывал через них узнать местонахождение дорогой женушки. Да и как оставить дорогого человека без средств к существованию? Вот только с момента ухода из моего дома Аполлинария только один раз сняла деньги с карты. В аэропорту. Перед тем, как сесть в гребаный самолет до Стамбула!

«Может, действительно, стоит заявить в полицию? – в который раз думаю я и тут же останавливаю сам себя. – Родственнички жены тревогу не бьют. Видимо, общаются с моей благоверной. Вот только слежки и распечатки звонков ничего не дали. – Шпионы хреновы!»

Вглядываюсь в довольное лицо Панкратова и бросаю от-

рывисто.

– Не томи...

– Появилась зацепка, Ильич, – скромно заявляет он, потупив взгляд.

– Ну?

– На Жанне Ковалевой, как мы знаем, числится две симки. Одна из них сейчас находится в Барселоне, а другая осталась в Никитске.

– Ну и что? – пожимаю я плечами. Подумаешь, новость!

– Обеими пользуются. Наши люди в Барсе сразу отследили Жанну. Приехала пару дней назад. Живет в элитном кондоминиуме возле порта. Ходит гулять по набережной и жрет устрицы в ресторане морепродуктов.

– А другая? – вскидываюсь я как хищник, почуявший добычу.

– Вторая осталась в Никитске. И по ней тоже разговаривает кто-то...

– Распечатку! Живо!

– Уже заказали, – радостно рапортует Панкратов. – К вечеру будет.

Еле сдерживаю ликование. Попалась птичка! Попалась!

– Неплохой результат, – скривившись, киваю безопаснику. – Все-таки сраный Никитск! Нужно найти там собеседников моей дражайшей супруги и через них выйти на Аполлинарию.

– Тамара уже готова выехать, – мямлит Панкратов.

– Пусть дальше сидит на входе в банк. Гreet задницу, – огрызаюсь я. – От нее толку никакого. Старая корова! Придется выйти на местных авторитетов и подключить их к нашей проблеме. Естественно, потребуются вливания, – рычу я. – А Тамаре скажи, пусть продает квартиру или почку. Я не намерен спускать ее косяки и палить бабло. Пришло время рассчитаться.

Панкратов собирается что-то сказать в защиту проколовшейся подчиненной, но я отмахиваюсь.

– Другой бы давно уволил, а я вот добренький, нянчусь с вами, – рыкаю я. Демонстративно перевожу взгляд на золотой Ролекс.

Панкратов, понимая, что разговор закончен, резво подскакивает с места.

– Дайте Тамаре шанс, – лопочет он, пятясь к двери. – Она найдет Аполлинарию Михайловну.

– Разберемся, – морщусь я и слегка приподнимаюсь в кресле, когда в кабинет врывается следующий посетитель. Коля Синявкин. Бывший бандит, возомнивший себя бизнесменом. Ну-ну... Видали мы таких. Морда с перебитым носом, короткий ежик волос, зато костюм от Армани. Как по мне, так этому типу больше бы подошел ватник и кайло в руки. А вместо Мерса – трактор.

– Не погуби, Ильич! – орет с порога Синявкин. – Все верну. Штрафы все оплачу и проценты. Клянусь богом! Только дай время. Меня поставщики подвели!

Знакомая песня! Сколько я их переслушал на своем веку. Сначала прогуляют кредиты, выданные на развитие бизнеса, а потом тут в ногах валяются. Но я редко иду навстречу таким вот синявкиным. Разжалобить меня трудно. Да и деньги я люблю больше, чем людей. Будь иначе, в детском саду вел бы пение...

– Я не против, – улыбаюсь холодно. – Но мне нужен еще залог. Перекредитуем тебя, Николай Иванович. Обязательно...

– На сколько? – оживляется мой собеседник. Вижу, как глазки загораются жадным блеском.

«Ну-ну, мой хороший, – хочется сказать мне. – Ты и это просрешь, дорогой. Зачем тебе бабки? Хочешь жить красиво? Так для этого нужно работать без вынemasчки семь дней в неделю. Мозги включать. А не разъезжать с телками по Ибисам и Мальдивам!»

– Смотря какой внесешь залог, – усмехаюсь я, пожимая плечами. Твердо знаю, что у нас в области мало найдется объектов недвижимости, способных перекрыть долг этого кадра. Да и те принадлежат другим людям. Мне в том числе!

– У меня есть поля, – с азартом вещает мой должник. – Хочешь, их заложу! Сто гектар сельхозугодий и лесной массив! Там красота просто обалденная! Река рядом и база отдыха... Тоже моя. Можно такой курорт отгрохать!

– А что мне с твоими полями делать? – мотаю головой. – Кукурузу выращивать? Давай что-нибудь ликвидное, Коля,

или проваливай!

– Ликвидное... – чешет репу придурок. – Так база, знаешь, какая крутая! И лес заповедный. Нам с пацанами удалось кусок оттяпать...

– И где это счастье? – не слишком скрывая презрение, бросаю я. Сейчас окажется где-нибудь за Полярным кругом, и встреча резко подойдет к концу.

– Недалеко от Никитска, – вздыхает Коля, поправляя галстук от Армани. Нервничает гад...

– Где? – уточняю лениво. А сам, затаив дыхание, жду ответ.

«Не вспугни, – щемит сердце. – Только не вспугни!»

Коля Синявкин что-то буровит. Путанно объясняет. Но попадание абсолютно в «десяточку». А значит, парень получит свои кредиты, а я с его помощью найду жену.

– Нужно глянуть на документы и сами объекты, – киваю я. – Может, и сгодятся. Пока ставим твои кредиты на паузу. То есть не выдаю ничего, но и мои юристы в суд не идут. Ты понял? – спрашиваю строго.

– Да, – кивает Синявкин. – Отправляй своих безопасников, там мои пацаны встретят. А мне самому туда сейчас возвращаться нельзя.

– Почему?

– Грохнут. Я одному типу дорогу перешел. А он миндальничать не любит... Криминальный авторитет.

– Жаль, – криво усмехаюсь я. – А то хотел тебя об одной

услуге попросить. Личной, – добавляю со значением.

– Да не вопрос, Ильич, – весело отмахивается Коля. – Там же полно друзей. Говори, что надо. Пацаны сделают.

– Мне нужно в твоём Никитске найти одну девушку. Никаких вводных нет. Только номер симки, зарегистрированной на её сестру.

– А имя, фамилия тоже неизвестны? – оторопело спрашивает Синявкин.

– Отчего же, – усмехаюсь я. – С этим полный порядок. Даже данные паспорта могу продиктовать.

– Тогда не бойсь, шеф! – ржет Коля. – Найдем твою телку!

– Речь идет о моей жене, – резко обрываю я зарвавшегося гостя. – Уехала, ничего не сказав. Видимо, кто-то наплел гадостей.

– Да, полно сплетников, – понимающе вздыхает Синявкин. – Найдем, Ильич. Найдем твою благоверную. Никитск – не такой уж большой город. Ж.па мира. Мои пацаны там всех и вся знают. Давай фотку и данные паспорта.

Подвигаю поближе фотографию в рамке, стоящую на рабочем столе. Моя жена в фиолетовом обтягивающем платье сидит на диване в нашей гостиной. Снимок давний, но мне очень нравится. На нем моя девочка такая милая и трогательная.

Ищу в телефоне последние фотки и скидываю на ватсап Синявкину.

– Красивая женщина, – цоклет языком Коля. – Очень бла-

городная...

– Да, – грустно соглашаюсь я. – И хоть у нас большая разница в возрасте, но я люблю ее очень и в ее чувствах не сомневаюсь. Просто какая-то бабья истерика. Демарш. Она, убежденная чайлд-фри, а я тут о детях заикнулся. Хотя, на кой хрен они мне, дураку, сдались! И так полно спиногрызов. Вот сморозил глупость и потерял любимую. Надеюсь, мне удастся найти ее.

– Да, если она у нас в Никитске, Дункан с Тавридой ее быстро разыщут.

Наблюдаю, как Синявкин звонит друзьям. А сам в это время пишу распоряжение начальнику юридической службы.

«По холдингу Синявкина заявление в суд подготовить. Документы собрать и отложить до моего личного распоряжения».

А когда за бывшим бандюшком закрывается дверь,двигаю к себе портрет и пристально смотрю на жену.

– Скоро свидимся, девочка. Хватит от меня прятаться, сдавайся. Все равно ведь проиграешь.

Глава 5

Назарет

С появлением Марка моя жизнь становится более упорядоченной. Я не засиживаюсь допоздна в конторе, не перетираю из пустого в порожнее в кабаках. И уже забыл, когда последний раз посещал в ночной клуб. Подъезжая к дому, ловлю себя на мысли, что возвращаюсь с радостью. Хочется смотреть на сына и искать в его маленьком нахмуренном личике знакомые черты. Жаль, что пока сопляк ничего не понимает. Таращится на меня невидящим взглядом. В хорошую погоду Линара выносит ребенка на прогулку. Маленький карапуз в белом комбинезоне удивленно взирает на мир синими, как у меня, глазищами.

Смотрит доверчиво. Но когда я тяну к нему руки, прячет личико на груди у няньки.

– Марк, – зовет его ласково Линара. – Папа приехал. Со-скучился по тебе.

– Дайте мне его, – то ли прошу, то ли приказываю я. И, взяв крошечное хрупкое тельце в свои лапищи, просто млею от восторга. А маленький засранец хнычет как котенок и просится обратно к няньке.

– Марк, – снова зовет она и делает попытку забрать ребенка. – Он вас боится, – шипит чуть слышно. – Нужно постепенно приучать.

– Ничего страшного, – усмехаюсь я. – Поревет и привыкнет.

– Еще чего, – фыркает негодуяще Линара, настойчиво выковыривая Марка из моих рук. – Зачем заставлять ребенка плакать? Это же травма на всю жизнь.

– Ну, чтобы легкие развивались, – бурчу я, наблюдая, как мой сын взволнованно сопит на руках няньки.

– Выйдите в лес и поорите. Себе развейте что-нибудь, – возмущенно заявляет нахалка. И держа моего сына, как священную ношу, направляется к дому. Догнав, открываю перед ней дверь.

– Если так пойдет, Марк меня вообще знать не будет, – рыкаю над головой наглой девицы.

– Приходите в детскую почаще. Играйте с сыном. Купайте его по вечерам.

– А вы? – спрашиваю удивленно. Даже помыслить не могу, что Линара сможет оставить меня наедине с мелким засранцем.

– Куда я денусь с подводной лодки? – вздыхает она и добавляет, опалив меня строгим взглядом. – А вы сможете поддержать Марка во время купания?

– Подумаешь, великий груз! Сколько он у нас весит?

– Четыре килограмма, двести грамм, – бодро рапортует

Линара. – За месяц набрал восемьсот грамм.

– Справлюсь, – киваю с усмешкой. – Вроде и побольше тяжести поднимал, – заявляю, вспоминая штангу с десятикилограммовыми блинчиками, которую утром тягал в спортзале.

– Посмотрим, – чопорно кивает нянька и вместе с Марком удаляется в детскую. Из-за приоткрытой двери я слышу ее воркующий голосок.

– Марк, солнышко...

Еле сдерживаюсь, стараясь не расхохотаться. По большому счету девице следует накрутить хвост за несоблюдение субординации. Делаю глубокий вздох, стараясь подавить смех и желание задать джазу Линаре. Перекинуть бы ее через плечо, шлепнуть по попе и отнести к себе в спальню. А там...

«Стопэ, – говорю самому себе. – А мелкий с кем останется? Спокойнее, Сережа. Равнодушнее. Девочек на твой век хватит. По триста штук в каждой бочке. А вот идеальная нянька одна. Ее беречь нужно. Пылинки сдувать. Переход в горизонтальную плоскость неумолимо приведет к разрыву. Бабу ты всегда найдешь! А вот хорошего спеца – вряд ли! Поэтому держи-ка, дружок, ширинку застегнутой!»

Иду к себе, прогоняя прочь дурацкие мысли. Дел по горло, а у меня мысли только о няньке. Красивая девчонка. Такая тоненькая. Прямо инстинкт защитника просыпается. Хочется сграбастать в охапку и... оберегать.

– У нас неприятности, – говорит мой помощник Сулейман, как только я появляюсь в холле. Рывком, словно катапультируется, вскакивает из кресла, стоящего возле моего кабинета. Высокий крепкий парень. Длинные патлы зачесаны назад, а в глазах тоска. Слава Николаев. А погоняло заслужил за дикую любовь к бабам. Целый гарем себе завел.

– Дункан с Тавридой что-то мутят. Людишки их по городу снуют. Кого-то ищут, – солидно бросает Славка.

– А мне какая печаль? – рыкаю раздраженно. Прекрасный повод отыграться за невозможность замутить с нянькой. Немного спустить пары. – Ты бы делами занялся. Вчера опять около наших обменников цыгане какие-то отирались. В бар к Потапу снова бомжи заходили. Посетители разбегаются. А мы терпим убытки.

– Да я это... Назарет... – бубнит Сулейман. – Занимаюсь. Пацанов отправлял на днях.

– А у нас что, движ на танцополе? – интересуюсь сквозь зубы. – Меня твои действия не интересуют, Слава. Мне важен результат. Понял?

– Да... Конечно... Назарет...

Плюхаюсь в кресло, включаю ноутбук и терпеливо жду, когда Сулейман выйдет из кабинета. Открываю альбом, сохраненный на рабочем столе, и снова всматриваюсь в дорожное лицо. Длинные русые волосы разлетаются в разные стороны. Любимые карие глаза искрятся смехом. Вероника сидит на качелях и болтает ногами.

Жена...

Как же мне плохо без тебя, девочка!

Вглядываюсь в счастливое лицо. Последний снимок перед гибелью. Кто же знал, твою ж мать... Сжимаю зубы. Сжимаю кулаки в бессильной злобе.

– Прости меня, малыш, – шепчу я, глядя в любимое лицо. – Я не успел вовремя. И до сих пор не отомстил за твою гибель... Нет, с исполнителями давно покончено. А вот заказчик... Синька, тварь. Ему недолго ходить осталось. Но этот гад окопался где-то в Средней полосе России. Ничего, выкурю со временем. – Решительно закрываю папку, где хранятся фотографии жены. Щелкнув мышью, захожу на площадку электронных торгов.

– Таак, – усмехаюсь, почесав затылок. – Что мы имеем?

Наблюдаю, как мои сотрудники дружно рубятся с каким-то неведомым ООО. От нечего делать в программе проверки юридических лиц вбиваю основные данные. Название, ИНН. И к своему удивлению обнаруживаю среди учредителей довольно-таки известный банк. ФИШТ-банк, еперный сарай!

Здрасьте, приехали! Именно там кредитуются мой давний враг Коля Синявкин. Быстро пробегаю требования лота и пишу в Телеграм старому дружбану, начальнику ФГУПа.

– Тут такая тема, Игорек... Хочу одному нашему синему кадру показать небо в алмазах. Поможешь?

Игорь Митрохин – мой одноклассник. Когда была жива

Вероника, мы дружили семьями. И тогда, семь лет назад, предпринял массу усилий, чтобы спасти мою жену. Сначала весь СК поднял на уши, как только Синька взял ее в заложники. Потом обеспечил поддержку ментов, стоило мне с ребятами выйти на след этого отморозка. И когда я вынес из подвала бездыханное тело жены, до последнего вместе со мной не терял надежду. Помню до сих пор вой реанимобиля, присланного к месту освобождения заложницы. Помню, как неслась машина по запруженным улицам, а впереди с матюгальником ехала ДПС. Но спасти мою Нику не удалось. Сердце – этот идеальный насос – дало маху. Просто остановилось, и все. И не захотело запускаться снова. Не выдержало.

Синявкину тогда удалось удрать из страны. Это та самая порода крыс, что живут в страхе и прячутся в норах, боясь показаться на свет божий. Но из любого логова можно выкурить мразь. Главное, дожидаться момента, когда та решит, что все улеглось. Ага! Сейчас! Уляжется, когда и меня снесут на кладбище и закопают рядом с Никой. Вот только я пока не намерен склеивать ласты. Мне бы сына поднять, посмотреть, как его внуки обмениваются брачными клятвами со своими половинками. Но про Синьку не забываю. Глаз не спускаю с этого гада. Года два назад он вернулся в Россию. Вот только в Никитск боится сунуться. А я жду. Будто хищник, слежу за глупым шакалом, и как только он замешкается, вонжу острые зубы в глотку. Что будет потом? Не знаю... Но только

жажда мести помогла мне пережить потерю. Только месть. А теперь вот и Марк.

Я никогда не задумывался, как сложится судьба моего ребенка, если я попадусь. Определят ли его в детский дом? Или возьмет кто из сердобольных родственников? Может, и стоило жениться на Жанке и не отпускать далеко? Но она сама захотела жить возле теплого моря. Ее никто не гнал вроде и ребенка не забирал. Захотела бы, осталась. А так... Пройденный этап. Вот уж по ком я не скучаю.

Слышу около двери шорох, поднимаю глаза.

Линара. Красивая и нежная... С моим сыном на руках. Смотрю на маленькое тельце, распластавшееся по груди няньки, и испытываю щемящую тоску, представляя сына на руках Вероники.

– Мы идем купаться, – весело говорит Линара, улыбаясь слегка завернутому в тонкую пеленку малышу. Сын дремлет на руках у няньки. А она аж вся светится. И у меня от ее счастливого вида сердце пускается вскачъ. И кое-где становится тесно.

– Марк приглашает вас, Сергей Алексеевич.

– Ну, если сын зовет, как я могу отказаться, – гляжу довольно на сладкую парочку. Встаю из-за стола и подхожу поближе. Легко провожу ладонью по маленькому голому плечу. Поправляю чуть сбившуюся пеленку.

– Осторожно возьмите его, – тихо предлагает мне Линара. А я бездумно пялюсь на лежащего в коконе женских рук

малыша.

– Боюсь, – признаюсь честно. – Неси его сама в ванную. Я иду следом, – говорю, чуть наклоняясь к Линаре. Чувствую запах ее волос и тела. Что-то карамельно-цитрусовое...

«Маленькая конфетка, поцеловать бы тебя, – усмехаюсь мысленно. – Заводишь меня всерьез, кукла. Редкий случай, блин! Я, и увлекся какой-то телкой!»

Линара, видимо, почувствовав мой порыв, быстро выходит из кабинета. И мне не остается ничего другого, как пойти следом.

Плечусь сзади, лениво рассматривая точеную фигурку, стройные ноги. На голени, чуть выше щиколотки замечаю яркую татуировку. Розы, бабочки, птичка... Скоро девчонки из любви к наколкам обгонят воров в законе.

«Знала б ты значение розочки, детка», – ухмыляюсь я, неожиданно испытывая острый приступ дотронуться до татушки. Слегка провести по рисунку, запустить ладонь, поднимаясь чуть выше. Утолить жар и любопытство. Там на бедре, тоже татуировка?

Сжимаю кулаки, стараясь сдержаться. Нельзя. Испугаю девчонку, к едреной фени. Еще Марка из рук выпустит. Только и остается, как шарить взглядом по спине и ниже. Представлять, какая она... Линара...

Вслед за нянькой и сыном захожу в санузел, примыкающий к детской, где на небольшом столе стоит наполненная бирюзовая ванночка.

Линара пальчиком пробует воду и без всякого предупреждения передает Марка мне. Подхватываю, испытывая дикий страх. Мать вашу... Маленький комок, а из меня веревки вьет! Вдруг уроню... Что тогда?

Стою, не смея пошевелиться. Молча слежу за Линарой. Она капает водой на сгиб собственного локтя и, удовлетворившись температурой, командует.

– Опускайте!

– Что? Куда? – спрашиваю обалдело.

– Марка. В воду, – велит дерзкая пигалица и добавляет со знанием дела. – Придерживайте головку. Под спинку руку положите.

– А если выскользнет? – спрашиваю заплетающимся языком.

– Держите нежно, но крепко.

– Хорошо, – киваю я, мысленно чертыхаясь. Но вида не подаю. Еще не хватало перед девчонкой облажаться. И перед сыном. Осторожно опускаю наследника в воду. Он испуганно озирается по сторонам и норовит разреветься.

– Марк, – зовет его Линара. – Сейчас искупаемся и пойдем спать. Ты же самый красивый малыш на свете.

Ребенок слышит ее голос и мгновенно успокаивается. Чувствует себя в безопасности. Умелые пальцы гладят в теплой воде ручки и ножки малыша, и он неожиданно начинает сучить ногами.

– Вошел во вкус, – шепчу я, стараясь лишний раз не ды-

шать.

– Дети любят купаться, – добродушно кивает Линара, осторожно касаясь Марка мягкой губкой.

– Да-да, – мычу что-то нечленораздельное, пытаюсь отвести взгляд от выреза нянькиной майки. Мать вашу...

– Поднимаем, – снова раздается команда. И я вздрагиваю от неожиданности. Немного прибалдел, наблюдая за Марком и его нянькой.

– Давайте, – приказывает мне девчонка. А я держу мокрого сына на руках и трясусь от страха. Упаси бог, упадет. Расставляю пальцы пошире.

– Только не крутись, Марк, – шепчу сыну.

– Он еще переворачиваться не умеет, – улыбается нянька, заворачивая малыша в пушистое полотенце.

– Да? – настороженно тяну я. – А когда научится?

– Нескоро еще, месяца в четыре или в пять.

– У нас все идет по плану? – спрашиваю строго. – Задержек в развитии нет?

– Все хорошо, – улыбается Линара, укладывая Марка на пеленальный столик. – Хотите, можете сами убаюкать Марка.

– А вы? – ужасаюсь только от мысли, что она может сейчас уйти и оставить меня наедине с Марком.

– Я здесь, – весело сообщает нянька. – Никуда не уйду. Вдруг что-то понадобится.

– Правильный подход, – с облегчением киваю я, наблю-

дая, как Линара вытирает малыша и одевает на него тонкий трикотажный комбез.

Беру на руки сына. Качаю потихоньку. И стараюсь вспомнить хоть какую-то песенку, подходящую под колыбельную. Но кроме похабной «Что-то барсук повесил на сук» ничего не вспоминается.

И чтобы не облажаться по полной, тихо пою.

– Здесь вам не равнины, здесь климат иной...

– Знал бы Владимир Семенович, что написал колыбельную, – тихо хмыкает нянька.

Толковая девица. Даже про Высоцкого знает. Мои телки о нем и не слышали. Но я с ними обычно не разговариваю.

Накупанный розовощекий ребенок быстро засыпает у меня на руках. А я млею от счастья, ощущая тепло маленького тельца.

– Положите его в кроватку, – шепчет нянька. – Только осторожно.

«Милая моя, – хочется крикнуть ей. – Да что ты вообще знаешь об осторожности? Лежала когда-нибудь в засаде? Уходила от «хвоста» на дикой скорости? Бывала хоть раз на допросе, где нужно подумать, прежде чем сказать «А»? «Б» из тебя потом вытянут, что и глазом моргнуть не успеешь!»

Не дыша, кладу сына в кроватку. И тут же слышу над ухом писк.

– Головку, головку поддерживайте!

Чувствую легкое прикосновение. Линара, будто обжег-

шись, убирает руку в сторону. Но мне и этого достаточно. Кожу словно опалает напалмом, а в груди перехватывает дыхание.

Что же это творится, братцы-кролики?!

Исподволь смотрю на девчонку. Отвернулась маленькая зараза. Но даже отсюда видны пунцовые щеки и стиснутые кулачки.

«Значит, и тебя проняло, моя красавица? Ну да ничего... У меня-то хоть есть возможность снять стресс, а тебе придется туго этой ночью, – хмыкаю с неким злорадством и, выйдя из детской, звоню Аньке.

– Приезжай, кисуль. Я скучаю...

Мою постоянную любовницу уговаривать не надо.

– Через полчаса буду, – тут же соглашается она и добавляет капризно. – Достань мое любимое вино и набери ванну.

– Яволь! – фыркаю я и, закончив разговор, передаю Анькины требования Элле.

Слышу, как суетится прислуга. Из моей ванной доносится шум воды, бьющейся о дно джакузи. Наверняка Элла сейчас устроит поляну. Нарезет сырок, хамон и фрукты. Все разложит красиво. Романтик, мать вашу!

Безотчетно представляю накрытый столик в моей спальне и чувствую, как к горлу подступает комок. Не хочу. До тошноты. До отвращения.

Отменить Анькин визит ничего не стоит.

– Важная стрелка, кисуль, – вру по привычке. – Пацаны

вызвали. Уже выехал.

– Ладно, – разочарованно вздыхает девица, настроившаяся на жаркую ночь. – Позвони, когда вернешься. Я прибегу.

«Все вы прибежите, только помани, – морщусь я, неожиданно свирепея. – Вот какого рожна тебе надо, Сережа. Зачем отменил визит телки? Чтобы вздыхать о Линаре в свое удовольствие?»

Подхожу к окну, вглядываясь в непроглядную темень леса, виднеющегося за забором. Можно все вернуть. Позвонить Аньке. Плюхнуться с ней в джакузи. И попытаться выкинуть из башки Линару. Что она делает сейчас? Спит или зависает в социальных сетях перед сном? Может, переписывается с кем-то?

«С кем? – напрягаюсь я, чувствуя, как волосы поднимаются на затылке. – Нужно дать Трофиму указание. Пусть проверит всех бывших и настоящих ухажеров нашей няньки. Ни одного чудака в штанах и на пушечный выстрел не подпущу. Моя...»

– Твоя? – с ехидной усмешкой уточняет внутренний голос. – Точно, твоя, Сережа? Ну-ну... Пойди-ка ты лучше в спортзал. Разгони кровь и глупые мысли.

А что, идея! Все равно не уснуть. Но стоит мне только сделать шаг в сторону подвала, где стоят тренажеры, как дом сотрясается от громкого плача.

Марк!

На всех парах влетаю в детскую и, недобро глядя на нянь-

ку, рычу.

– Что вы с ним сделали?

Глава 6

Линара

Встав под душ, закрываю глаза. Чувствую, как теплые струи уверенно колотят по спине. Пока Марк спит, у меня есть время расслабиться и подумать. Жанка-стерва не отвечает. Сколько я ей пишу, звоню. Бесполезно! Загулялась моя красавица! Забыла обо всем. А тут сын растет без матери. Сергей Алексеевич, конечно, своего сына всем обеспечивает, а я дарю маленькому человечку всю свою нерастратченную любовь. Но этого мало... Ему обязательно нужна мама.

Хотя... если сбежала и оставила ребенка отцу, какой с нее толк!

Подставляю голову под душ. Кайфую, ощущая, как теплая вода стекает по волосам. И уже собираюсь взять шампунь и помыть голову, когда из приоткрытой двери раздается плач. Сначала тонкий и жалобный, еле различимый из-за шума воды, а потом громкий и требовательный.

Как ужаленная, выскакиваю из кабины, на ходу выжимая косы и скручивая их в тугий узел. Заворачиваюсь в полотенце и чувствую, как вдоль позвоночника стекает вода. Противно, но переживу. Несусь к ребенку, пытаюсь понять, что

именно могло его так потревожить. Подхватываю на руки, стараясь успокоить.

– Марк, солнышко, – шепчу, прижимая к себе.

А он кричит во всю силу маленьких легких, не умолкая ни на секунду. Укладываю его на пеленальный стол и осторожно ощупываю вздутый животик.

– Сейчас, мой маленький... Сейчас, – шепчу, силясь не разреветься.

Слышу, как сзади распахивается дверь, и сжимаюсь от грозного окрика Назарета.

– Что вы с ним сделали?

«За задницу укусила! – так и хочется огрызнуться. Но держу язык за зубами. Не время для сарказма и шуток. Повернувшись к Сергею, говорю тихо, но уверенно.

– Газики мучают. У мальчиков такое не редкость.

– Вызовите врача, – рыкает Назарет, намереваясь уйти.

Ага, шаз! Если уж оказался поблизости, папочка, сейчас мы тебя с Марком припашем.

– Подождите, – окликаю настойчиво. – Врач откажется ехать. А вы могли бы помочь...

– Что еще? Сами не справляетесь, зовите специалиста...

– Подержите Марка, а я пока разведу лекарство. Он выпьет, и станет легче.

– А раньше вы его развести не могли? – бурчит недовольно. С тяжким вздохом берет ребенка из моих рук. И тут же пытается всучить его мне.

– Он брыкается. Я не удержу, – заявляет, передавая мне сына. Чувствую, как взгляд Назарета из тревожного становится заинтересованным. Ощущаю, как жадные глаза скользят по накинutoму полотенцу и мокрым волосам. В таком случае лучше прикрыться... Марком!

Забираю малыша у непутевого папаши и команду.

– На полочке в шкафу флакончик с розовой этикеткой. Накапайте десять капель в бутылочку с водой.

– Этот? – огромная лапища тянет с полки баночку с присыпкой.

– Нет, рядом. Коричневого стекла с розовой бумажкой, – поясняю я терпеливо. – А то, что вы держите в руках, – фуксия.

– Чем они отличаются? – недоуменно бубнит себе под нос Назарет, доставая правильный флакончик. И накапав в бутылочку нужное количество капель, передает мне. Но Марк, маленький измученный котенок, сделав пару глотков, выплевывает соску.

– Так, – вздыхаю я, лихорадочно соображая, что делать. Кладу ребенка на пеленальный столик и прошу Назарета.

– Пойдите рядом, чтобы он не свалился.

– А вы? – напрягается Сергей Алексеевич.

– Попробую дать лекарство иначе, – пыхчу, поправляя полотенце. Прекрасно понимаю, что пока Марк плачет, у меня нет шанса переодеться. Так и дефилирую перед его папашей в стиле «ню».

Капаю несколько капель в ложку и, изловчившись, вместе с водой заливаю в рот Марку.

Малыш на мгновение замолкает и смотрит на меня удивленно.

– Все хорошо, мой дорогой, – шепчу я и тут же слышу вздох папаши.

– Вам бы в цирке выступать...

– Дадите рекомендацию? – огрызаюсь незлобливо и прошу, взяв малыша на руки. – Подержите Марка, пожалуйста. Нужно согреть ему животик...

Назарет спокойно принимает сына и укладывает на своей груди.

– Марк, вот ты устроил, засранец, – слышу я, устремляясь в ванную. Наскоро надеваю тунику и легинсы. Вытираю мокрые волосы и, оставив их распущенными, выхожу обратно в детскую.

Марк, прикрыв глазки, дремлет на груди у отца. А тот как памятник стоит посреди комнаты.

– Боюсь пошевелиться, – улыбаясь, признается Назарет.

– Он спит, – тихо шепчу я, вглядываясь в спокойное розовое личико. – Ну же, не трусьте!

Назарет криво усмехается и укоризненно качает головой. Мне кажется, что его лицо озаряется светом.

– Ничего никогда не боялся. А теперь аж душа в пятки уходит. Слышу, как бьется маленькое сердечко. Это что-то невероятное.

– Сейчас я достану кокон и уложу туда Марка, – говорю я тихо и, не дожидаясь ответа своего строгого работодателя, лезу в нижний ящик комода. Выуживаю оттуда нечто, похожее на гнездо. Кладу в люльку Марка, а затем, забрав его самого у отца, осторожно устраиваю внутри.

– Это еще что за фигня? – недоверчиво интересуется Назарет.

– Специальный матрасик для новорожденных. Избавляет их от газиков. Видите, ножки чуть приподняты, – объясняю я.

– Чего только ни придумают, – бурчит Назарет и смотрит на меня недоверчиво. – А где вы эту байду взяли?

– Нашла среди приданного. Вы, наверное, с Жанной покупали и забыли...

– Нет, – морщится Назарет. – Марку все необходимое покупала моя мама. Жанна себя неважно чувствовала почти всю беременность.

«Кому ты заливаешь, – хочется насмешливо бросить мне. – Уж я-то точно знаю. Моя сестра все девять месяцев скакала как сайгак. Хотя, может, Назаровы просто отстранили ее от покупок».

Вздрагиваю, понимая, что наверняка Жанке пришлось несладко. Видела я бабушку Марка. Заносчивая бесцеремонная особа.

– Замерзли? – скупно улыбается Назарет. – Быстренько сушите волосы. Берите радио-няню и приходите в кухню. А я

распоряжусь по поводу чая.

– Потом поем, – пытаюсь отказаться. – Мне лучше остаться с Марком.

Честно говоря, я тушуюсь. Бегала мимо Назарета в одном полотенце. И что он вообразил, одному богу известно. Но до этого вечера он меня чаевничать не приглашал.

– Линара, – строго бросает хозяин дома. – Здесь команду ю я.

Ничего не остается, как второпях помыть голову и слегка посушить волосы феном. Заплетаю косу и, глянув на спящего Марка, спускаюсь в кухню. А там уже заботливые руки Эллы нарезали буженину и несколько видов сыра. На плоском блюде важно лежат бутерброды с черной икрой, а в менажнице насыпаны горками сухофрукты.

– По какому случаю банкет? – спрашиваю, глядя на Назарова, открывающего бутылку с вином.

– Мы справились с Марком, – вполне серьезно заявляет он. – Нужно это отметить. И вообще, когда вы ели в последний раз?

– Часов в пять, – бодро заявляю я. – Я всегда ем в это время. А после уже нельзя.

– Прокурор запретил? – фыркает Назарет и добавляет с укором. – Придется мне вас контролировать, Линара. Это никуда не годится. А если в обморок грохнетесь с Марком на руках? Знаете, как в самолетах пишут? Сначала позаботьтесь о себе, а потом о ребенке.

– Глупости, – фыркаю я. – Я так много лет питаюсь. Никаких проблем...

– Дурацкие диеты, взятые с просторов инета, до добра не доведут, – многозначительно замечает Назарет и на правах хозяина приглашает. – Прошу...

Сажусь за стол, намереваясь съесть кусочек мяса и курагу, и сразу же подняться наверх. Близость Сергея Алексеевича меня смущает. Все кажется, позови он за собой, соглашусь, не раздумывая.

– Так питаться мне посоветовал доктор, – заявляю я, не подумав. Видимо, от синих глаз хозяина дома растеряла последние мозги.

– Ну, какой еще доктор, Линара? – усмехается он. – Лучше не спорьте, а ешьте.

Опускаю голову к тарелке. Чуть не наболтала лишнего. Доктор, конечно же, самый лучший. К другим мой бывший муж не обращался. И пусть нас еще не развели с Федором Ильичом, и дело до сих пор болтается в суде, но как о своем супруге я даже подумать о нем не могу.

«Бывший, – пробую слово на вкус. – Было, и прошло. Живи спокойно и дыши полной грудью, – приказываю себе и с удивлением смотрю на пузатый бокал на длинной ножке, куда Назарет вливает темную жидкость.

– Я не пью спиртное, – тихим шепотом предупреждаю я.

– Да я вас умоляю, Линара. Это же кьянти. Натуральный продукт. Мне из Италии привозят.

«Ясный перец, что не из Бангладеш, – фыркаю мысленно. – Я и по плетеной бутылке догадалась. Вот только у меня от него голова разболится. Или все зависит от того, с кем пьешь?»

Слегка пригубив вино, поднимаю глаза на хозяина дома. Назарет смотрит на меня добродушно.

– Понравилось? – спрашивает с азартом. – Загадывайте желание! Наверное, первый раз пили.

– Обязательно, – киваю я и пытаюсь сообразить, чего хочу больше всего.

Свободы? Так она у меня есть. Пусть пока неполная, и приходится отсиживаться за высоким забором. Но мне и тут хорошо.

Развода? Я очень надеюсь на победу. И как уверяет меня адвокат, это событие не за горами.

Счастья? Да я и так кайфую, стоит только прижать к груди Марка.

«Вроде и не загадывается ничего, – мысленно вздыхаю я и с улыбкой смотрю на Назарета. – Хотя нет, знаю! – самой себе говорю запальчиво. – Хочу такого мужа, как Назарет. Умного, красивого и благородного!»

– Загадали? – весело спрашивает он. – По лицу вижу, что желание у вас серьезное, Линара...

– Да, конечно, – киваю я, точно зная, что ничего не случится. Этот мужчина занят. А перебегать дорогу сестре я не хочу. Жанна погуляет немного и вернется. Моя сестра про-

сто не может оставить ребенка сиротой. Должны же они помириться с Назаретом.

– Вы Жанне давно звонили? – спрашиваю я и добавляю поспешно. – Что-то она не выходит на связь... Я ей пишу и звоню. Все безрезультатно.

– Завтра узнаем, – кивает он. – Ваша сестра живет в моей квартире в Барселоне. Прислуга регулярно приходит убираться. Потерпите до утра. Я попробую связаться с экономкой. А она передаст Жанне, что вы волнуетесь.

– Спасибо, – шепчу я и при первой возможности ухожу в детскую. Гляжу на часы, висящие на стене. Марк проспит еще час-полтора. Есть время подремать. Ложусь на кровать и неожиданно проваливаюсь в глубокий сон. Бегу за сестрой и не могу ее догнать. Выкрикиваю ее имя, а она не отзывается. Реву, продираясь сквозь толпу. Вот только Жанки нигде нет.

Требовательный плач ребенка возвращает меня в реал. Снова развожу смесь и кормлю из бутылочки маленького человечка. Думаю о сестре и чувствую дрожь. Словно предчувствую что-то плохое.

– Все будет хорошо, – заверяю себя и Марка, держа его столбиком. – Мы с тобой в безопасности. Твоя мама тоже.

Слышу, как звякает телефон. Пришло сообщение в ватсап. Зря я взбаламутила Назарета. Жанка откликнулась. Кроме нее и мамы этот телефон знают только Люся и клиенты. Но они-то не станут звонить посреди ночи.

Да и матери пришлось открыться совсем недавно. Шме-

лев перестал общаться с моими родителями и даже внес их телефоны в черный список.

— Забыл о тебе, — вздохнула спокойно маменька. — Наверняка новая девушка появилась.

«Одно другому не мешает, — подумалось мне тогда. — Федор Ильич не из тех людей, кто прощает обиды. Когда-нибудь он все равно разыщет меня. Поэтому важно не терять бдительности и сохранять выдержку. Нигде не высовываться. Летать ниже радаров, блин! В случае опасности попросить помощи у Назарета. А для этого нужно умудриться с ним не переспать. Держите себя в руках, Аполлинария Михайловна!»

Уложив ребенка обратно в кокон, я стремглав несусь к телефону. Три сообщения с чужого номера. Пробегаю глазами, чувствуя, как цепенею от ужаса. Дрожащими руками открываю профиль и застываю на месте, наткнувшись взглядом на знакомую черно-белую фотографию. Все то же холеное лицо. Зачесанные назад волосы и добродушно-укоризненный взгляд. Федор Ильич Шмелев. Пишет мне на Жанкин номер. Отыскал, зараза!

Откидываю смартфон в сторону. Руки трясутся, а из глаз вот-вот польются слезы. Закусываю губу, пытаюсь успокоиться.

«Погоди, еще не вечер! Он просто догадался, что одна сестра умотала в Барсу, а другая осталась в Никитске. Только как он тебя найдет? В личные апартаменты Назарета мало

кому дозволено заходить. Татьяна Ивановна приходит убирать. Иногда забегает Элла. И все! А это проверенные люди, работающие в доме Назарова годами. Да и как Федор догадается, где именно тебя искать? Не паникуй, Линара!»

Стараясь успокоиться, делаю дыхательную гимнастику. Дыхание черепахи из курса йоги словно специально придумано для таких случаев. Медленный глубокий вздох, а потом такой же выдох. Раз, другой, третий... пока не полегчает. Обычно я прошу так подышать клиенток, когда их трясет от страха. А вот сегодня испробовала эту практику на себе. Подавив эмоции, снова беру трубку в руки. И перечитываю коротенькие сообщения, так напугавшие меня.

«Привет, мой котенок!»

«Еле отыскал тебя!»

«Скоро мы будем вместе!»

– Чтоб тебе скиснуть! – бурчу себе под нос. – Чтоб ты провалился, придурок!

«Ты здесь, малышечка?» – приходит следующее сообщение.

«Да», – пишу, понимая, что добром эта переписка не кончится.

«Я люблю тебя, Аполла! Заклинаю всеми святыми, вернись ко мне по-хорошему!»

«А вы где, Федор Ильич?» – спрашиваю, затаив дыхание.

«За тобой еду поездом в гребаный Никитск, – тут же приходит ответ. – Заставляешь меня на старости лет скакать рез-

вым козликом». – Куча улыбающихся смайликов. Но меня они не могут сбить с толку. Попадись я в руки мужа, мало не покажется.

«В Никитск? – пишу торопливо и, снабдив сообщение выпученными глазами, отправляю бывшему мужу. – Почему именно туда?»

«А ты где-то в другом месте?» – нетерпеливо интересуется Шмелев.

«Да, – пишу, лихорадочно придумывая, куда бы отправить дорогого Федора Ильича. – Я вообще-то в Калининграде».

«За каким лешим тебя туда понесло?»

«Учиться, – печатаю поспешно и добавляю. – Только там можно получить специальность врача персонифицированной медицины».

«Да? В каком ВУЗе?»

«В Университете имени Иммануила Канта», – пишу, сгибаясь от смеха. В Калининграде есть такой ВУЗ. Именно его окончила моя подружка Лера. Вот только знать об этом Шмелеву не полагается.

«Пришли мне фотку из окна», – требует Федор Ильич.

«Завтра, – игнорирую его требования. – Девочки в комнате уже ругаются! Спокойной ночи!»

«Какие девочки?»

«Соседки в общежитии».

«Ты серьезно, котенок?»

«Тебя забыла спросить», – фыркаю я и, отключив телефон, размышляю, что делать дальше.

«Естественно, ни в какой Калининград Шмелев не поедет», – нервно хихикаю я, представляя, как бывший муж пересаживается на другой поезд и мчит обратно.

Чувство юмора, конечно, продлевает жизнь. Но с Федором Ильичом лучше не шутить. Я прекрасно знаю и помню, какая это мстительная скотина. А значит, с телефоном и симкой придется расстаться. Достāju симку и, разрезав ее ножницами, выкидываю в мусорник. Теперь наступает черед смартфона. Оглядываюсь по сторонам, стараясь найти хоть что-нибудь тяжелое, чем можно расколоть проклятый аппарат. Ничего!

«Может, спуститься в спортзал и там гирей стукнуть по корпусу? – думаю я, выбегая из комнаты. И уже на лестнице останавливаюсь, догадавшись. – Там же везде натканы камеры наблюдения. Потом у Назарета точно возникнут вопросы. Лучше просто сбросить вниз. С высоты трех этажей телефон точно расколется. А если кто и спросит... Наплету что-нибудь!»

Торжественно кидаю смартфон в темную бездну пролета и слышу, как он разбивается с треском. И тут же до меня доносится отборная брань. Внизу включается свет, следом зажигаются лампочки на этажах, и вскоре вся лестница сияет как гирлянда.

– Что происходит, Линара? – спрашивает меня Назарет,

поднимаясь навстречу и неся в протянутой руке осколки моего сотового. Мокрая от пота майка плотно обтягивает накачанный торс, а полотенце на шее делает Назарова похожим на боксера.

– Случайно выронила, – вру, не краснея. – Вышла маме позвонить. Не хотела беспокоить лишний раз Марка.

– В половине второго ночи? Ну-ну... – недоверчиво хмыкает Назарет, ловя меня на лжи. Только к стенке не припирает. – Вам теперь нужен новый телефон. Этот уж точно восстановлению не подлежит.

– Да-а, – тяну я, напуская на себя расстроенный вид. – Ужасно обидно.

– Даже не представляете, как, – ухмыляется Назарет, холодно глядя на меня. – Вы остались без связи. В город я вас не отпущу в ближайшее время. И симку по чужому паспорту никто не продаст. Поэтому привыкайте жить без телефона. Ну да ничего, хоть в тишине отдохнете.

Я готова с ним согласиться, если бы не мама. Она уж точно изведется вся. Сначала пропала Жанна, теперь вот и я перестану выходить на связь. Но с другой стороны, и Федор Ильич останется с носом. Единственная ниточка, способная привести его ко мне, разорвана навсегда.

– Ладно, – снисходительно вздыхает Назарет, проходя мимо меня. – Где-то валяется старый айфон. Завтра найду и выдам вам для связи. Доктору позвонить или Элле.

– Спасибо, – лепечу я в спину своему работодателю. И

вернувшись в детскую, склоняюсь над спящим ребенком.

– Вот видишь, роднулька, как здорово все устроилось. Мы с тобой вместе, малыш. Я люблю тебя, – шепчу чуть слышно. И осторожно наклонившись над кроваткой, слегка прикасаюсь губами к щечке племянника. Такой родной и сладкой. – Мы с тобой банда, Марк... И всех победим обязательно. А если сами не справимся, позовем твоего папу на помощь», – вздыхаю я и, налюбовавшись сыном сестры, отправляюсь в собственную постель.

«Все хорошо. Хорошо. Шмелев не найдет меня. Не найдет», – проваливаясь в сон, бормочу я собственную мантру.

Глава 7

Шмелев

Естественно, ни в какой Никитск я не ехал! Еще чего не хватало! Сидел дома и от нечего делать строчил слезливые сообщения жене. Котенок... Твою мать!

Даже не думал, что откликнется. Ошибся!

Аж настроение улучшилось от этой глупой переписки. Моя боевая мышка забила в дальнюю норку и оттуда машет кулаками мудрому коту. Ну, подожди, девонька, еще не вечер.

И у меня есть план. Тебе понравится! Время, правда, потребуется. И деньги... Но ведь без этого никуда, правда же!

Смотрю внимательно в экран айфона и начинаю злиться. Следующие пять сообщений так и остались непрочитанными. В лучшем случае – Аполлинария отключила сотовый, а в худшем – избавилась от него. Зря я, конечно, ей написал. Поспешил! Обрадовался, старый дурак!

На следующий день становится ясно, что симка Жанны, оставшаяся в Никитске, не отвечает и даже не высвечивается в сети. А другая, в Барселоне, еще жива. Но телефон отключен.

– Сестры расстались, – нарочито серьезно бухтит Панкратов, – значит, Аполлинария Михайловна должна попросить кого-то из знакомых купить новую симку. Мы уже обозначили круг ее общения. На первом месте некая Людмила Вячеславовна Круглова, специалист по родовспоможению. Есть еще несколько молодых женщин. Судя по нашим данным, все недавно родили детей.

– Ты намекаешь, что моя жена работала акушеркой? – морщусь я. – Вполне возможно... К этой Кругловой ты кого-нибудь направлял?

– Местные пацаны попросили знакомого мента с ней побеседовать.

– Как я понимаю, затея провалилась? – сверлю злым взглядом безопасника.

– Да, – уныло кивает тот. – Тетка прошаренная оказалась. Позвонила начальнику отделения на личный номер и уточнила. Дункану потом по шапке прилетело.

– Чушь какая-то! – подскакиваю я и, пытаюсь успокоиться, быстро хожу по кабинету. Чувствую, как из глубины души поднимается неконтролируемая ярость. Разбить бы что-нибудь или убить кого... Останавливаюсь около открытого окна, внимательно смотрю на зеленеющие газоны и стайки птиц, перелетающие с ветки на ветку. Уже апрель, мать вашу! Семь месяцев, как исчезла жена. И найти ее не могут профессионалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.